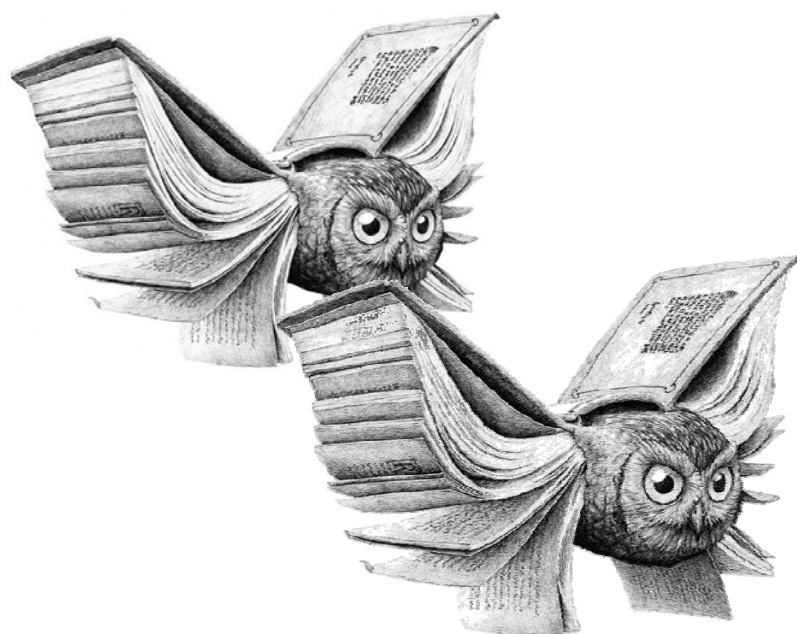

№ 4 (13)' 2018
Декабрь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Крылов Д.А. Темпоральная картина России: политический прогноз	5
Амир Ст-н. В поисках качественного народонаселения	15
РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ	28
Ли Ваньли Древнекитайская философская мысль и современная наука: дискурс прошлого и настоящего	28
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	39
Елисеева В.В. Извлечение смысловой составляющей литературного текста	39
Ковалева В.С. Взаимодействие текста и затекстовой информации в произведениях Славы Сэ	44
Леонтьева А.Ю. Образ А.С. Пушкина в лирической антропосфере Г.В. Иванова	51
Макаричева Н.А. Женские характеры в романе «Подросток» и в повести «Кроткая» Ф.М. Достоевского	60
Филинкова Е.О. Антропонимы романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы»	68
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	75
Карел Чапек. Двенадцать приемов литературной полемики или пособие по газетным дискуссиям	75

ОТ РЕДАКТОРА

Что дают человеку научные знания, если нет понимания законов науки? Любая информация оказывается воспринятой большинством людей без работы собственного мозга по факту ее существования. Возможный скепсис мог бы снять проблему, но и он воспринимается зачастую весьма упрощенно: «Пока сам не увижу, не пощупаю – не верю». Банальное недоверие едва ли можно рассматривать на предмет осознанной рефлексии. Поэтому и мощные компьютеры не делают людей менее невежественными.

Социальные сети буквально захлестывает всевозможная и разнонаправленная информация. Обывательский флуд перекрывается столь же бессмысленными пророчествами и рассказами великих и мелких проходимцев, обещающих грядущее процветание или страшные катастрофы. Столь же одиозны, рассчитанные на сервильность народа рассуждения «за политику», переливание из пустого в порожнее пикантных сообщений о жизни «звезд». Обещания похудеть, быстро разбогатеть, обрести волосы, стать успешным или вылечиться от всевозможных болезней – это далеко не полный перечень того, что навязывается сегодня не рефлексирующим людям. Информационный спам множится в геометрической прогрессии, а «виляющий» ум обывателей угодливо подхватывает и соблазняется им.

Примитивные формы коммуникации не способствуют проникновению знания на уровень затемненного ума. Поэтому и не удастся пробиться через стратегии обыденного, скажем, рассказывая о максимах правил мышления Иммануила Канта или «идолах ума» Френсиса Бэкона. Проще будет предложить новый миф и обещание чуда, поманить за горизонт тусклого бытия. Главное, чтобы для этого не нужно было долго трудиться или изменять себя. Заумные метафизические конструкции также не подходят для эмоциональных подач.

Соппротивление развитию ума не уменьшается во времени, действуя как некая коллективная сила, препятствующая изменениям текущего бытия.

Этому способствует и желание возврата в прошлое, как идеализируемой системе отношений. Стремящиеся в будущее люди вызывают раздражение своей неумностью и нежеланием жить в освоенном однажды пространстве представлений и опыта. Живущие по принципу «так должно быть», тащат на своих ногах груз некритически воспринимаемого прошлого. Легитимация настоящего для них связана с абсолютизацией коллективного прошлого и они не хотят видеть иного. Поэтому и научные знания они хотят загнать в стойло догматики, где предрассудки уже заняли свое место. Можно в этих условиях лишь говорить о бесплодности науки, привязанной к бюрократическим правилам, ведомственным структурам и прихотям власть предержащих.

Вместе с тем, не желая впасть в однозначную ригористичность, мы полагаем, что не следует отрицать чисто научные правила и процедуры, призванные обеспечивать достоверность полученных результатов. Ведь мы должны избегать и псевдонаучности, достойной лучших традиций подделок и мистификаций. Необходимо критично оценивать источники знаний, ценность парадигм и верований, претендующих на истинность и неопровержимость. Хотя, предрасположенность к осознанному знанию, надо это понимать, не является доминирующей общественной установкой. Не поддерживается такая установка и авторитарными режимами, апеллирующими к эмоциям подданных и требующим единомыслия. Поэтому и способность к рефлексии здесь должна быть ограниченной и порицаемой.

Стоит помнить, что граница между установкой на научность познания и стремлением вернуться в мистическое бытие крайне условна. Люди постоянно соскальзывают в сферу пралогического мышления, где царствует магическое мировоззрение. В любой момент рефлекслирующие индивидуумы, эти «сторонники разума», могут быть объявлены врагами национальной культуры и сакрализируемого государства.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Темпоральная картина России: политический прогноз

Аннотация: В статье актуализируется проблема цивилизационного выбора и будущего России. Действующий властный дискурс, ориентированный на консервативный опыт прошлого и соответствующий ему тип подданнических отношений, направлен на воспроизводство циклической парадигмы. Страна оказывается в ситуации как бы вечного возвращения, отрицающей линейное развитие, где все ожидают чуда мгновенного перехода из мира юдоли в мир лучший и вечный. Существующие проблемы и неустроенность должны исчезнуть, а миф преобразования осуществиться сам по себе. Автор статьи выражает сомнения по поводу таких оптимистических ожиданий, полагая что для этого должны быть преодолены пассивность и инертность в социуме и власти.

Ключевые слова: Прогнозирование, хронотоп, темпоральная картина, Российская цивилизация, стагнация, парадигма развития.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

The temporal pattern of Russia: political Outlook

Annotation: The article actualizes the problem of civilizational choice and the future of Russia. The current power discourse, focused on the conservative experience of the past and the corresponding type of citizenship relations, is aimed at the reproduction of the cyclic paradigm. The country is in a situation like the eternal return, that denies linear progress, where everyone expects a miracle instant transition from life to the world a better and eternal. The existing problems and disorder should disappear, and the myth of transformation will come true in itself.

The author of the article expresses doubts about such optimistic expectations, believing that this should be overcome passivity and inertia in society and government.

Keywords: Forecasting, chronotope, temporal picture, Russian civilization, stagnation, development paradigm.

Через неделю (после чего?), – пишет летописец, – глуповцев поразило неслыханное зрелище. Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто неслось на город: не то ливень, не то смерч. Полное гнева, оно неслось, буровя землю, грохоча, гудя и стня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца.

<...>

История прекратила течение свое.

Салтыков-Щедрин. История одного города

Пророчества указывают на грядущий расцвет могущества и благополучия России. Как это связано с настоящим положением дел в экономике, ощущением благополучия, решением социальных проблем, не ясно. Ведь речь идет не о просчетах и некомпетентных решениях, ошибках управления, а об оглашаемых атрибутивных деяниях власть предержащих. Прошлое объявляется единым и единственным поступательным процессом к легитимации настоящего и обретению будущего через топтание на месте. Процессы, связанные с увеличением энтропии, игнорируются или завешиваются дизайнерами от политики, использующими для этого ткани и драпировки советской эпохи.

По-прежнему, России противопоставляется «разлагающийся» и враждебный Запад, где спят и видят, как сгинет Священное Русское царство. От этой мифологии за неимением лучшего отказываться здесь никто не собирается, как и разбираться с причинами периодических блужданий между трех сосен. Ведь, если бы не развращающее просвещение с Запада, нигилизм

и не революционные идеи, то каких же высот духовности смогли бы достичь мы?

«Дар» монаха Филофея о вселенском предназначении Московского царства может быть и был ко двору Василия III, но за сакрализацию властителя и его преемников цена стала тяжким бременем для подданного народа. От «дара», надо полагать, мы не собираемся отказываться и в начале XXI века. Как рассуждает современный поборник идеи Третьего Рима Петр Троицкий: «Конечно, заметят, что наш народ сегодня не готов к выполнению тех задач, которые старец Филофей относил к Третьему Риму. Времена изменились, Россия прошла через катаклизмы, через столетия безверия. Но у Третьего Рима могут быть задачи иного уровня. Разве правда и справедливость не касаются Третьего Рима. Сегодня мир называют однополярным. Этот единственный полюс считает, что земля вращается только вокруг него. Но разумный человек знает: чтобы наша планета не упала, надо иметь второй полюс. Сегодня опять поругана справедливость, и Третий Рим должен встать на ее защиту, это его задача, а следовательно, она ему по плечу. Тот же, кто считает, что русский человек может жить и довольствоваться малым, стать обитателем только малой родины, отдав большую, глубоко ошибается. Большой народ может жить только большими задачами. Иначе он умрет. И эта задача – возрождение Третьего Рима, без которой Россия умрет, и умрет уже завтра» [10].

Служению большой эсхатологической идее здесь придается большее значение, чем устройству жизни в текущий момент. Не имеет ценности мир частного, признаваемый за меркантильную обузу и обман. Поэтому все материальное признается необходимым лишь за государством или носителем высшей власти, царственным правителем, наделяющим и отнимающим блага у своих подданных по высшему усмотрению. Ведь цели его в сфере грядущего мирополитического устройства, навеянного навязчивым мифом о призвании России. Сакральное здесь оказывается неким универсальным инструментарием по приведению подданных к общему знаменателю или

идентичности. И именно отказ от признания священных оснований отечества, государства в качестве точки восхождения из Града Земного в Град Небесный, предполагает измену священному началу и утрату идентичности. Поэтому религиозная идентичность имеет существенное значение для сохранения политического тела, которое оформляется связкой «правитель – государство».

Тема соединения, сочетания и противостояния светской и духовной власти в целом общеизвестна, но нам представляется, что их тесная связь определялась не только целью легитимации высшей власти. По-сути, сама высшая политическая власть являлась частью процесса «заколдовывания мира». Обратный процесс как раз и привел в действие механизм рационализации, который вызывает наибольшее сопротивление в архаически ориентированных сообществах. По Макс Веберу, этот процесс, происходящий в западной культуре, не завершен и поныне и ему противоположно желание противостоять рационализму и интеллектуализму науки и выбор пути религиозного романтизма иррациональных представлений [6, с. 718].

Восприятие правителя в архаически ориентированных обществах как части сакрального мира, приближенного к Богу и наделенного особой мощью, не имеет ничего общего с представлениями о личных качествах руководителя. Ведь в царствующей особе видели «отнюдь не высшего чиновника. То "поклонение", которым он был окружен, имело своим источником отнюдь не только услуги, оказанные им обществу. Как сможем мы понять это верноподданническое чувство, которое в некоторые эпохи было столь сильно и столь своеобразно, если с самого начала откажемся видеть тот сверхъестественный ореол, который окружал коронованные головы?» [4, с. 85]. Отметим, что данные рассуждения М. Блока касаются более широкого прочтения идеи чудесного и сакрального характера королевской власти, выходящего за узкие рамки национальных традиций.

Во всяком случае, именно с таким мистическим прочтением роли царя мы встречаемся у культурного консерватора С.Н. Булгакова, написавшего: «... но в отношении к идее священной власти, которая получила для меня характер политического апокалипсиса метаисторического явления Царствия Христова на земле. Эту свою тоску о "Белом Царе" и любовь к нему я выразил в диалоге "Ночь", написанном в 1918 году уже после падения царской власти. Однажды, всего на краткое мгновение, мелькнуло предо мною ее мистическое видение. Это было при встрече Государя. Я влюбился тогда в образ Государя и с тех пор носил его в сердце, но это была – увы! – трагическая любовь: "белый царь" был в самом черном окружении, через которое он так и не мог прорваться до самого конца своего царствования» [5, с. 322].

Сходные воззрения о ценности мистического дискурса мы слышим из уст отечественного палеоконсерватора из «Русской тверди» А. Шорникова: «Только тогда, когда значительная часть советского народа воцерковится, станет Русским народом, тогда вектор легитимности власти сменится с народоправства на сакральность. А сакральной может быть либо власть Царя, либо национального диктатора (переходный период, как в Испании при каудильо Франко), присягающего на Библии. Сакральность русской власти может быть произведена только от Царя царей, От Господа нашего Иисуса Христа!» [12].

Мистический дискурс соответствует дологическому уровню мышления, которое базируется на основах сакрально-фетишистских и мифологических образах. Устойчивое же неприятие критического и прагматического мышления западного типа, носящее характер политических установок, связанных с сохранением идентичности, становится крепостной стеной на путях изменения общественного сознания. Возможно, что причиной здесь как раз и служит стремление власть предержащих не отпустить на волю подданных, освободив их от крепостной политической зависимости от авторитарного государства. Рационально мыслящий гражданин начинает

задавать неудобные вопросы и его тяжело заставить слепо верить декларируемому авторитету правителя.

Поэтому возвращение к некой исходной идентичности и борьба с нарастающей фрагментарностью может быть рассмотрена через попытку побега в прошлое, целенаправленно предпринятого в современной России. Восстановление монархии и идеи Вечного Рима – это очевидный повтор, возвращение в циклическое состояние, желания сохранить неизменным повторение как категорию будущего: «Королевское повторение – это повторение предстоящего» [7, с. 123]. Здесь также можно говорить о роли психологической травмы от резких изменений в жизни социума, потерявшего смысл коллективного существования. 70-летняя история, отброшенная на манер «коту под хвост», как бы показала бессмысленность линейного прогресса. И если бы речь шла о творческой разумности людей, то распад Советского Союза не стал бы невосполнимой трагедией, культивируемой на предмет собственного горя и желания как можно глубже окунуться в мифологизуемое прошлое.

В результате такого ретроградного движения коллективной психики утрачена или сильно ограничена способность к активной деятельности. Тем более что возвращение к переживанию циклов повторений не сродни сохранению памяти, ведь речь идет не об анализе произошедшего, а о культивировании воображаемого и недовершенно. По причине внешних неблагоприятных условий и действий недружественных народов и их правителей не были достигнуты великие цели. По верному замечанию, Дж. Александера, делающего упор на эпистемологический подход: «События – это одно дело, а репрезентация этих событий – совсем другое дело. Травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности» [1, с. 275].

Воссоздаваемая темпоральность, направленная на переживание ушедших времен, где все отношения строго фиксированы и иерархизированы,

ведет к отрешению от изменяющегося настоящего. Для закрытого общества противоестественно стремление к изменениям, где даже настоящее воспринимается как сомнительная неопределенность. Оно не актуально и не имеет принципиального значения, если не связано с прошлым.

Экстенсивный тип развития подходит для медленных культур, не стремящихся к конкретизации настоящего и откладывающих активную жизнедеятельность «на потом». Общая ментальность постоянно корректирует возможные отклонения, выступая в качестве защитного панциря. И речь идет здесь о довольно агрессивной культурной среде, закрытой для свободной рефлексии, тормозящей любые изменения и культивирующей пассивность на всех уровнях социума, подменяющей цели движения их внешней имитацией. Явно с горечью Н.А. Бердяев констатировал этот факт: «... Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа» [2, с. 1].

Имитация, как считает Ю. Левада, является едва ли не ключевым словом при анализе ситуации в России в условиях все возрастающей неопределенности. Речь идет о внешних формах, которые не имеют адекватного или общепринятого содержания. И это позволяет в одно и тоже

время использовать на государственном уровне рассуждения о либеральных реформах и отказываться от них ради поддержки государственных монополий. Здесь заявления о демократии соседствуют с неприкрытым авторитаризмом, требования уважения к закону не отменяют «телефонного права», а заявления о сближении с Западом соседствуют с установкой на отгораживание от него. Но это все редко может восприниматься всерьез [9]. В свою очередь, Б. Фирсов считает, что речь должна идти здесь о проявлении двоемыслия, которое характерно для целей самосохранения авторитарного режима [11].

Думается, что имитация имеет более давнюю историю и также может характеризовать особенности национального поведения на государственном уровне. Ведь об этом писал еще маркиз де Кюстин, когда рассуждал о России как стране видимостей [8, с. 132]. «Потемкинские деревни» появились отнюдь не благодаря способности оригинально мыслить графа Григория Потемкина. Как, впрочем, все рассуждения об этом случае как о мифе, явно игнорируют особенности организации российской бюрократии. А чего, скажем, стоит двоемыслие, превратившее международные санкции, направленные против агрессивной внешней политики отдельно взятой страны, во благо для России?

Закабаленное внешними формами государственности сознание российского социума стремится на волю, но оказывается способным лишь на проявление своеволия или хулиганства. Покорность внешнему насилию и принуждению со стороны государства не приводит здесь к появлению иной, основанной на законах разума и целесообразности, государственности. Ведь русский народ, как заметил Н.А. Бердяев, «самый безгосударственный» и анархический по своей природе. Вместе с тем, наличие сохраняемых архаических патерналистских привязанностей делает этот народ зависимым от внешней опеки. В итоге самым востребованным оказывается тип лидера отличающегося жестким поведением, которое он обязан постоянно демонстрировать.

Требование послушания выступает при авторитарном режиме показателем лояльности и признанием общей идентичности. По-сути речь может идти о целенаправленной политике по поддержке пассивности подданных, утрате ими начал социальности, на место которой приходит молчаливое большинство. Симуляция политической жизни переводит социум в плоскость мнимых идентификаций, порождая общую инертность. Как пишет Ж. Бодрийяр: «Но тогда революционные ожидания напрасны. Ибо они всегда основывались на вере в способность масс, как и класса пролетариев отрицать себя как таковых. Однако масса – это поле поглощения и имплозии, а не негативности и взрыва» [3, с. 28-29]. Поэтому мы и не видим сегодня даже намека на возможное формирование достаточной общности тех, кто стал бы поддерживать оппозицию. В реальности даже самостоятельное проявление верноподданнических чувств не встречает канализированной властью поддержки, а носит фрагментарный характер. Предпочтение отдается постановочным представлениям заявляемой «симфонии» власти и ее народа.

Мыслитель предупреждает о порочности такой практики. Ведь когда власть предрешающие захотят произвести изменения и им понадобится участие масс, то в ответ они получают молчание. Социальное к этому времени уже погребло и энергия ушла из масс, что будет полностью соответствовать закону энтропии. Затраты на симуляцию социальной активности будут постоянно расти, но они уже не смогут восполнить потери от утраты коммуникативных связей и культивируемой прежде апатии [3, с. 33]. И эта ситуация, по всей видимости, едва ли не наступила в наши дни. Слабые возмущения или выражения недовольства по поводу все той же пенсионной реформы, роста запретов и налогообложения представляют собою лишь маргинальные отголоски затухающей энергии социума. Ни события на Болотной, ни недавние выборы губернаторов, где народ как бы попытался сказать свое слово, ситуации не изменяет. Оптимизм покидает людей. Время останавливается, а история «прекращает течение свое».

Перед нами, как говорится, «картина маслом»...

На фоне этих весьма не радужных рассуждений, полагаем, сомнительными выглядят попытки представить ситуацию как развертывание возможностей. Ни о каком формировании условий для наработки активных темпоральных стратегий речи идти не может. Это утопия или, если быть более точным, очередная имитация, призванная показать новые внешние формы с прежним содержанием. Вещание не способно породить захваченность деятельностью. Там, где отсутствует познание, подменяемое авторитарной догматикой, знакомой до боли с прежних времен демагогией, когда воспевается мифическая уникальность, там не может быть и развития.

Список литературы

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Репринт издания 2018 года. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
4. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
5. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808с.
7. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
8. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
9. Левада Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Полит.ру / URL: <http://polit.ru/article/2003/02/20/584054/> (жата обращения: 03.12.18).
- 10.Троицкий П. Москва – Третий Рим // Русская народная линия / URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/10/25/moskva_-_tretij_rim/ (дата обращения: 27.11.18).
- 11.Фирсов Б. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №

5. / URL: / http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content_1190618411427934file.pdf (дата обращения: 03.12.18).
- 12.Шорников А. Потеря сакральности или как возродить Россию // Алексей Шорников / URL: <https://alexeishornikov.livejournal.com/60694.html> (дата обращения: 01.12.18).

УДК 32

Амир Ст-н,
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

В поисках качественного народонаселения

Аннотация: В статье рассматривается проблема неспособности населения, живущего в депрессивном регионе, выйти из состояния спячки и пассивности. Возрастание неопределенности бытия влечет за собою рост пассивности населения, формирование установки на то, чтобы переждать происходящее. Жизненные стратегии населения характеризуются как невнятные, ориентированные на обыденность и бесперспективность. Его существование ориентировано на цикличность и воспроизводство известного, а не на движение к новому. Установка на сохранение неизменности общественных устоев приводит к стагнационным процессам. Это приводит к ухудшению качества народонаселения. Выходом же из наступающего коллапса может оказаться лишь обретение людьми жизнеутверждающих целей.

Ключевые слова: Народонаселение, качество трудовых ресурсов, сервильность, отток населения, народ без амбиций, закрытое общество, коррекция мышления, установка на новое.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

In search of quality population

Annotation: The article deals with the problem of the inability of the population living in a depressed region to get out of a state of hibernation and passivity. The increase in uncertainty of life entails the growth of passivity of the population, the formation of attitudes to wait out what is happening. Life strategies of the population are characterized as vague, focused on the routine and hopelessness. Its existence is focused on the cyclicity and reproduction of the known, and not on the

movement to the new. Installation for the preservation of the immutability of the social fabric leads to stagnation processes. This leads to a deterioration in the quality of the population. The way out of the coming collapse can only be the acquisition of life-affirming goals by people.

Keywords: Population, quality of labor resources, the servility, the Exodus, the people without ambition, a closed society, the correction of thinking, installing a new one.

На постановку обозначенной в названии проблемы повлияло заявление, сделанное правительством Забайкальского края, предлагающем добиться снижение оттока населения к 2022 году [3]. Ежегодно Забайкалье теряет от 6,5 тысяч до 6 тысяч человек. К 2021 году это должно привести к тому, что в крае останется примерно 1,05 миллиона человек.

Разумеется, что ни о каких-либо механизмах или описании условий решения этой проблемы не говорится, а сама информация носит характер отложенной рефлексии о достигнутых результатах. Тем временем речь идет об общей тенденции, и, скажем, с того же Дальнего Востока (без Забайкальского края и республики Бурятия) в 2018 году уедут почти 30 тысяч человек. Положительный приток населения ожидается лишь к 2020 году. При этом мало кто говорит о качестве такого населения. По мнению руководителя Консультационного центра по вопросам миграции и межэтнических отношений С. Пушкарева, речь идет о неравномерной замене людей с высокими современными стандартами жизнедеятельности на людей с низкой культурой: «Я уже однажды это говорил и повторю еще раз: происходит неравноценная замена – уезжают хорошо капитализированные кадры, молодые люди, люди среднего возраста, которые наше государство хорошо капитализировало – от родовспоможения до обучения в высшем или среднем учебном заведении. И уезжают эти люди в основном навсегда. А приезжают, напротив, кадры, плохо капитализированные – плохо знающие русский язык, с плохим образованием, начальными трудовыми навыками. Приезжают они заработать. А потом все равно уезжают в свои страны» [5].

Судя по всему, в очереди за «Дальневосточным гектаром» стоят не так уж многие из россиян. Стремятся же уехать из неблагополучных регионов многие. Хотя решаются на этот шаг пока только самые активные, но пример может быть заразительным и законы подражания заставят эмигрировать и пассивных жителей окраин. Ведь чтобы мы не говорили о грядущем экономическом благополучии, оно относится к ограниченной части людей, оказавшихся приближенными к власти. Остальным остается только режим выживания.

Несомненно, надо говорить об этом остающемся пока населении, которое приходится учитывать при оценке потенциала того или иного региона. Можно ли на таких людей рассчитывать в плане индивидуальной или групповой активности или же придется проводить политику поддержки иждивенческих настроений? И здесь мы не «отроем Америку» указав на то, что само проживание в депрессивном регионе указывает на отсутствие жизненно важных перспектив. Этот факт предполагает высокую степень пассивности и установку на удовлетворение только обыденных потребностей. Такое население способно лишь ждать решения своих проблем и едва ли готово даже в такой ситуации переходить к активной пассивности, то есть решительным требованиям разрешения проблем другими.

Привыкшие к патерналистской опеке и установкам на цель люди не имеют опыта и механизмов отработки целеполагания в условиях все возрастающей неопределенности. Не свойственна им и мобильность, стремление к поиску доходных видов деятельности и зарплат. При этом они и не прочь получать больше, но за привычную и малоэффективную работу. Типичное мышление ориентировано на известное и упрощенное, а не на неопределенное и сложное. Чем выше неопределенность, тем меньшее количество людей будет стремиться к активному преодолению ситуации.

Люди в условиях неопределенности не разрабатывают жизненных стратегий на отдаленную перспективу, довольствуясь общепринятыми и повседневными заботами. Низкий интеллектуальный горизонт ограничен

столь же низким эмоциональным горизонтом, отражающим эмоциональную бедность. Соответственно, это ведет к повышенной потребности в стимуляции эмоций через употребление все того же алкоголя. Но в условиях превалирования депрессивных настроений, стимулируется не позитивное мироощущение, а недовольство.

Если речь идет о сохранении некоего status quo, то ни о каких положительных изменениях в экономике или благосостоянии граждан можно вообще перестать говорить. Во всяком случае, установка на патерналистское общество и консервативные ценности едва ли изменит ситуацию и сформирует установку людей на активную жизнедеятельность. Как говорится, «сигареты не рождаются из окурков».

Чтобы запустить механизм самостоятельного мышления, придется отказаться от прежних догматов и способов решения проблем. При увеличении доли неопределенности повышается и доля нестабильности искусственных систем, которые сориентированы на сохранение неизменности прежней жизни. Такие общества цикличны и ориентированы на банальное самовоспроизводство. Ни о какой модернизации, как и об оптимизации общественных отношений, говорить естественно уже не приходится. Хотя такие разговоры и ведутся время от времени, они касаются лишь внешних форм и названий, надеваемых на старый организм охраняемой ментальности.

В сложившейся в настоящее время ситуации едва ли стоит говорить и об инертности политической системы. Слишком очевидна направленность внутренней политики на поддержание невежества, пассивности и инфантильности среди населения. Желание удержаться во власти любой ценой всегда находится на грани преувеличения собственной значимости у правителя, его окружения и страха недооценки людей, способных сформировать собственные цели самостоятельно. Жажда видеть только повиновение никогда не удовлетворяется полностью, ведь есть еще внешний мир, который тебе не подчинен. Этот внешний мир прямая угроза самовластию, особенно тот, где обладание властью ограничено и приходится

искать и идти на компромиссы. Ценность людей как граждан при этом возрастает. Исчезает патерналистская зависимость. Но к этому, как говорится, еще надо стремиться, что явно не соответствует установке власть предержащих на возврат к закрытой политической системе.

Идя по пути учений легистов, правители получают слабый, а не сильный народ. Его целью станет лишь служение воле правителя: «Правитель мудрый сделает народ рабом Единства, запретив сужденья всем о делах своих, к полям людей направив и простоту в умах укоренив. Нет в мире лучше подданных таких – без прекословья, спора, рассужденья они легко свою жизнь отдадут Мечу и Хлебу. Волю властелина в края чужие бодро понесут они и полнота амбаров залогом силы станет государства» [9, с. 51]. И если кто-то усомнится в ценности такой характеристики, указав на то, что это высказывание относится к IV веку до н.э., то стоит подумать о преимуществах авторитарных форм правления. Здесь речь идет о воспроизводстве повиновения, а не формировании активного гражданского общества, которое до сих пор в России продолжают воспринимать как нечто чуждое и надуманное.

Атака на содержание понятия «гражданское общество» девальвирует и внешнюю его форму. На фоне внешней принудительной установки на единение народа и государства, наличие частного общества или общества для себя выглядит угрозой для самовластия. Этатизм стремится к тому, чтобы быть тотальным. И здесь мы обнаруживаем явное противоречие между желанием иметь послушных, но активных и стремящихся к развитию подданных. Даже такой откровенный этатист как К. Шмитт считал, что крайне трудно «соединить между собой диалектическое развитие и диктатуру. Ибо диктатура кажется прерыванием последовательного развития, механическим вторжением в органическую эволюцию» [10, с. 222]. Впрочем, мыслитель неоднозначен в своих выводах, его больше беспокоит борьба с моральными устоями «демагогической плутократии», которые порождают трусливое общество. Он предлагает верить в наличие мессианского мифа,

который увлекает вперед и воодушевляет массу, «дает ей силу мученичества и решимость применить силу» [10, с. 241].

Возможно, что нынешние поклонники К. Шмитта и не станут винить его в определенной непоследовательности и излишней критичности по отношению к диктатуре, так как его представления о «гражданской доблести» и воинственном мифе говорят о противоположных представлениях и, по сути, оправдывают диктатуру. Атака на буржуазный мир и его идею гражданского общества с компромиссами была необходимым условием для формирования нерелексирующей общности.

Требование послушания является ключевым при оценке авторитарного режима. Послушание выступает и критерием качества при оценке населения. Наличие же определенного процента свободомыслящих зависит от степени давления на общество и желания власть предержащих имитировать свою продвинутую цивилизованность. Остракизм, физическое воздействие, подкуп и шельмование неудобных не исчезают и остаются основными подходами к регулированию степени свобод. Но такая линейная направленность против свободомыслящих не делает авторитарный строй способным к поискам системы отношений, построенной на свободе выбора и самореализации. Сервильность подданных здесь ценнее инициативности граждан. Таланты же, полагаем, в идеале должны были бы быть крепостными. Во всяком случае, именно ностальгия по прежним временам власть предержащих в теперешней России говорит о желании реставрировать исходную модель авторитаризма – Московское царство с поправкой на имперские времена.

Отношения к людям, как к расхожему ресурсу выглядят сугубо потребительским и эгоистическим, лишено гуманистических начал и отрицает ценности либерального индивидуализма. Зато здесь широко используется маскировка действий ссылкой на мнение большинства или коллективизм. В итоге, снижается ценность самореализации и самоактуализации индивидуумов, стремящихся к росту изменений. Ментальные установки жестко фиксируют сознание людей, создавая

всевозможные барьеры и ограничения, влияющие на способность к самостоятельности. Влияют такие установки и на качество принимаемых решений.

В контексте идей Г. Хофстеде, можно говорить о том, что ментальные или культурные системы выступают в качестве инструмента по коллективному программированию мыслей. Среди таких определяющих воздействий на первом месте оказывается «дистанцированность власти». Речь идет об одном из существенных параметров, оказывающих влияние на уровне национального благосостояния. С поправкой на определенную степень закрытости российского общества мы видим высокий уровень проявления таких характеристик, как самодостаточность власти и ее надзаконность, ориентация на поддержание авторитета старших, поддержание неравенства по сути, зависимость от указаний начальства, установка на кооптацию в иерархию по принятым правилам, включение религии в процесс по поддержанию ценности иерархии [8, с. 22].

Даже если и рассматривать российский опыт как не самое крайнее проявление дистанцированности власти, то ясно, что возможности общества по инициативности и самовыражению своих интересов здесь носят ограниченный характер. Считается, что индекс дистанции власти для России составляет 93, что лучше, чем у Малайзии (104) или Филиппин (94), но хуже, чем у Мексики (81), Китая (80) или Эквадора (78). Для Америки такой индекс составляет 40 ИДВ, а для Японии 54 ИДВ [4]. Так что до меритократических подходов здесь, как говорится, «как до Луны». На первое место здесь выходят nepотизм, кумовство или семейственность, а не профессионализм человека. В итоге мы имеем какократию – власть худших или плохих.

Разумеется, сама идея какократии имеет своим основанием представления об абсолютности максимальной дистанции власти, то есть авторитаризме, где власть предрешающие не зависят от мнения своих подданных. От последних требуется лишь радостное подчинение и прославление властителей. Такое общество вынуждено воспринимать

данность как некую константу, где все решения принимаются отнюдь не лучшими людьми, а наделенными властью недостойными людьми – самозванцами, самовластцами и самодурами. Поэтому все надежды и возлагаются на справедливого правителя или «хорошего царя».

Рост какократов отражает довольно тревожную симптоматику, так как элита уже не формируется за счет дарований, а стремится превратиться в замкнутую самовоспроизводящуюся касту. Согласно идеям А. Тойнби, перестав быть творческой, элита перестает соответствовать этапу роста цивилизации, видеть отдаленные цели. Ее идеалы больше не совпадают с идеалами большинства. Активно идет процесс самоизоляции правящего класса, что соответствует этапу надлома цивилизации, предшествующего этапу распада. Не обладая творческим потенциалом, правители современной России занимаются эвокацией «призрака» российской империи.

Как пишет А. Тойнби, реакция надлома связана с неудачей цивилизации подняться до «высот некоего сверхчеловеческого образа жизни» [7, с. 457]. Творческая сила исчезает вместе с ее носителями, которые превращаются в надсмотрщиков за рабами или сержантов-инструкторов, следящих за нетворческими массами.

Для сравнения укажем на идею жизненных циклов организации, где мы обнаруживаем сходные выводы. Согласно представлениям Изхака Адизеса, организация не способная приспособиться к изменениям, обречена на гибель. Бюрократизация может продлить жизнь организации на неопределенное время, но ее рано или поздно ожидает смерть [1, с. 172]. Государства, как и организации, являются живыми системами, но только до определенного момента. Иногда люди продолжают жить в тени уже умершего Левиафана, полагая, что он просто временно заснул. Этим продолжают пользоваться те, кто знают об этом, но не стремятся сообщать находящимся в неведении людям, чтобы продолжать получать дивиденды.

Мы уверены в том, что качество населения напрямую связано с качеством элиты или правящего класса. Здесь возникает довольно странная

ситуация, которую нельзя недооценивать. Хотим ли мы это признавать или нет, но нельзя отрицать силы воздействия законов подражания. Еще Г. Тард указывал на их значимость, говоря о всеобщности повторов и сходства. Его рассуждения об ассимиляции высшими слоями общества низших не лишены здравого смысла. Но и без этого воздействия сходство оказывается решающим фактором для достижения внутреннего подобия, где автономность одних по отношению к другим не более чем иллюзия. Остается же стремление подражать авторитету родителей, жрецов или вождей. А весь прогресс цивилизации упирается в некое следствие, которое делает «порабощение подражанию все более и более *личным* и в то же время все более и более *рациональным*» [6, с. 73].

Но, как считает социолог, подражания носят более широкий характер и с равным успехом способствуют заимствованию нелогических и предрассудочных влияний. Это также соответствует массовому гипнотизированию или «социальному сомнамбулизму» людей, принуждаемых к подражанию. Именно в таком состоянии достигается наибольшее послушание индивидуумов, подчинение власти.

Здесь, возможно, надо указать на то, что в случае увеличения дистанции власти указанные процессы подражания перестают поддерживаться и затухают (хотя и не до конца). Формируются как бы изолированные друг от друга общности, меньшая и большая. Большинство огрубляется и примитивизируется, постепенно впадая в дикость. Утрачивают стремление к оригинальности и сами представители правящих слоев общества, довольствуясь внешними заимствованиями. Культура как бы замыкается на себя, закрепощая своих последователей и подгоняя их под прокрустово ложе идентичности. Тем самым, закрепляется отставание от более развитых творчески цивилизаций, опыт которых огульно порицается как чуждый и противный собственному эволюционному пути. Объяснить суть этого пути и его преимущества естественно никто не возьмется, разве только за исключением самоуверенных «шаманов пропаганды».

Чем ниже политическая компетентность общества, тем спокойнее себя ощущают власть предержащие. Они отказывают людям в способности к размышлениям и выводам, предлагая довольствоваться миром повседневности, где все заранее предопределено. Жупелом здесь выступает неопределенность, с помощью которой правители ограничивают мобильность своих подданных. Не случайно, что в России так высок уровень неприятия неопределенности, которая воспринимается как вполне нормальное явление в странах развитой демократии. Властью активно используется установка на воспроизводство циклической картины мира и жизнедеятельности.

При этом необходимо учесть, что закон энтропии начинает проявлять себя тем интенсивнее, чем быстрее установка на исключительность и изолированность становится единственным условием существования цивилизации. Энергия творчества покидает не только элиту, но и само общество. Все расслабляются и перестают отвечать на внешние вызовы, довольствуясь рассказами о своих победах и великой истории. Ожидание манны небесной в виде грядущего благополучия не служит в качестве стимула для роста активности.

Преодолеть апатию населения в этих условиях, единственный выход из состояния за которым следует распад. По мнению А. Тойнби, здесь возможны два пути, один из которых – это путь дрессировки, направленный на внедрение морали. Второй путь он называет мистическим, поскольку этот путь связан с подражанием личности. И этот путь возможен лишь в идеале, так как подтягивание нетворческих рядовых членов до уровня творческих первопроходцев не возможно без особого состояния мимесиса, ориентированного на прокладывание новых путей. Ведь мимесис примитивных обществ и соответствующих им статичных образований направлен в прошлое, на старших и поминовение мертвых, как воплощение обычая. Сложность второго пути состоит в наличии творческих личностей, которые выступают в качестве вождей (достаточно много внимания А. Тойнби уделяет описанию религиозных подвижников) [7, с. 398, 399].

Выход из этого положения мыслитель видит в возможном сочетании обоих путей. Но он также предупреждает и о перспективе надлома, который преследует растущую и избыточно растрачивающую свои силы цивилизацию. Открытым остается здесь проблема выбора рационального пути, так как интересы и предрассудки редко совпадают с точки зрения личностного выбора и позиции множества. Множество не интересуется процессом, ему нужны результаты, как говорится, «здесь и сейчас» или в оговоренные сроки. Обещание же грядущего расцвета страны или даже отдельно взятого региона не порождает самореализуемого пророчества. Впрочем, признание свободного выбора в самом множестве уже вызывает противодействие и опротестовывается на уровне требования внешней идентичности.

Принуждение к идентичности на позднем этапе эволюции государства способствует не столько консолидации общности, сколько обеспечивает пролонгацию существования властной иерархии. Отпустить людей «на волю» власть предрержащие не могут, так как панически боятся оживления жизнедеятельности и конкуренции. Создаются препятствия для развития творческого потенциала, в том числе и в собственной властной среде. Повторимся, что этот путь ведет в тупик и ни о каком качественном населении речи идти здесь не может по определению. Изменения начнутся тогда, когда вместо строительства Потемкинских деревень, имитирующих благополучие, будет признана самоценность индивидуальных свобод, а государственные полномочия ограничены разумной целесообразностью. Это касается и патернализма, который напрямую связан с усилением этатистских установок, увеличением масштабов проникновения государства во все сферы жизнедеятельности. Изживание патернализма таким образом потребует отказа от государственной опеки и требований любви к Левиафану, который должен будет рассматриваться сугубо на инструментально-институциональном уровне. Этим, по всей видимости, и в идеале, будет обеспечен необходимый рост экономической дееспособности населения.

Сказанное не снижает значение центров притяжения и подражания, но значительно расширяет диапазон и значение иных территорий. Частное принимает характер социально значимого на фоне множества вариантов выбора. И речь здесь идет об ином прочтении темы народа и его качества. Формируемое качество будет характеризовать, по слову П. Вирно, «вселенную многих» [2, с. 44]. Ценность автократического дискурса в новых условиях будет уже столь востребована, как прежде. Избыточное давление со стороны политических институтов и власть предрешающих должно быть снято. Коммуникативные же связи на горизонтальном уровне приобретут определяющее значение.

Хотя, полагаем, эти рассуждения могут выглядеть и не вполне убедительными, но рано или поздно с нарративными путями нам придется расстаться. Автократическая парадигма не вечна, как и ее адепты, раз за разом приводящие свои миры к распаду. Надзор и регуляция не способствуют развитию творческого начала, а властная установка на качество населения превращает последнее в серую инфантильную массу. Замечу, что сказанное нами относится и к качеству надзирателей и управленческого персонала. Остается это понять.

Список литературы

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
3. Малышенко А. Власти края намерены снизить отток населения к 2022 году // Чита.ру (14.11.2018) / URL: <https://www.chita.ru/news/123085/> (Дата обращения: 16.11.18).
4. Матяш О.И. Особенности коммуникативных воздействий в организационной среде России и США // Российская коммуникативная ассоциация / URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash10.shtml (Дата обращения: 23.11.18).

5. Отток населения из ДФО в 2018 году увеличится в два раза – прогноз Росстата // ИА REGNUM / URL: <https://regnum.ru/news/2377902.html> (Дата обращения: 16.11.18).
6. Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. М.: Академический Проект, 2011. 304 с.
7. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.
8. Хофстеде Г. Параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9 – 49.
9. Шан Ян. Книга власти. М.: Абрис, 2017. 256 с.
10. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / пер. с нем. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 330 с.

II. ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

Ли Ваньли
Забайкальский государственный университет,
аспирант
E-mail: 9144596000@mail.ru

Древнекитайская философская мысль и современная наука: дискурс прошлого и настоящего¹

Аннотация: Философию называют праматерью всех наук. Древнекитайская философия представляет собой уникальное явление: ее влияние на культуры Китая, Японии, Кореи, Вьетнама равнозначно влиянию древнегреческой философии на Европу. Исследования современной науки показали, что несмотря на кажущуюся наивность и неприменимость к нынешнему времени, идеи древнекитайской философии имеют множество точек совпадения с современной наукой, которые прослеживаются на всем пути ее развития. В статье рассматриваются такие идеи древнекитайской философии, как идеи «взаимосвязи», «инь-ян», «причинности», «цикличности» и подтверждающие их научные открытия. Так, например, у теории всемирного тяготения Ньютона прослеживаются параллели с концепцией «взаимодействия», а у открытия «антивещества», всемирного тяготения и антитяготения в физике – с концепцией «инь-ян». Идеи «причинности» и «цикличности», вероятно, помогут ответить на такие вопросы как «что такое время?», «как зародилась жизнь?» Явление «взаимосвязи» повсеместно встречается в природе. Современная физика основана на полевой парадигме, т.е. на взаимодействии основных видов полей. Большое количество пока необъяснимых природных явлений свидетельствует о том, что, возможно, в природе существуют отличные от известных виды физических полей, взаимодействующих между собой. Исследование их взаимодействий поспособствует не только прогрессу в области физики, но и развитию прогностики, например, прогнозированию землетрясений. Новое прочтение и применение на практике идей древнекитайской философии может поспособствовать развитию современной науки и техники.

Ключевые слова: Взаимосвязь, инь-ян, причинность, цикл, научное открытие.

---

¹ Статья опубликована: Современный ученый. 2017. № 4. С. 221-226.

Li Wanli,
TRANS-Baikal state University,
PhD student
E-mail: 9144596000@mail.ru

Ancient Chinese philosophical thought and modern science: discourse of the past and the present

Annotation: Philosophy is called the mother of all Sciences. Ancient Chinese philosophy is a unique phenomenon: its influence on the cultures of China, Japan, Korea, Vietnam is equivalent to the influence of ancient Greek philosophy on Europe. Studies of modern science have shown that despite the apparent naivety and inapplicability to the present time, the ideas of ancient Chinese philosophy have many points of coincidence with modern science, which can be traced throughout its development. The article deals with such ideas of ancient Chinese philosophy as the idea of "relationship", "Yin-Yang", "causality", "cyclicity" and confirming their scientific discoveries. For example, Newton's theory of universal gravitation has parallels with the concept of "interaction", and the discovery of "antimatter", universal gravitation and anti-gravity in physics-with the concept of "Yin-Yang". The ideas of "causality" and "cyclicity" are likely to help answer questions such as "what is time?", "how was life born?" The phenomenon of 'interconnection' is ubiquitous in nature. Modern physics is based on the field paradigm, i.e. on the interaction of the main types of fields. A large number of unexplained natural phenomena indicate that, perhaps, in nature there are different types of physical fields, interacting with each other. The study of their interactions will contribute not only to progress in physics, but also to the development of prognostics, for example, earthquake prediction. New reading and practical application of the ideas of ancient Chinese philosophy can contribute to the development of modern science and technology.

Keywords: Interrelation, yin-yang, causality, cycle, scientific discovery.

I. Концепция «взаимосвязи»

Концепция «взаимосвязи» раньше всего появляется в «Книге перемен». Так, высказывается положение о том, что движение и изменение всего сущего в природе являются взаимосвязанными. В «Ши цзи» («Исторических записках») сказано, что «Вэнь Ван развил Книгу перемен», то есть Вэнь Ван создал «Книгу перемен» во время своего тюремного заточения Шан Чжоуваном (приблизительно в XXI в до н.э.). В «И чжуань» идея эмпирических однородных взаимосвязей из канона «Чжоу И» поднята на

высоту философского мировоззрения, высказано предположение, что все однородные вещи или однородные вещи и однородные образы и явления, выражающие триграммы, благодаря взаимодействию соединяются и образуют одно целое [1].

Начиная с того момента, когда была выдвинута концепция «взаимодействия» в древнем Китае до открытия ряда явлений физических взаимодействий в современной физике и выдвижения соответствующих теорий, у концепции «взаимодействия» стало проявляться всеобщее и глубокое философское содержание.

Наиболее яркими открытиями европейской науки, имеющими параллели с концепцией «взаимодействия», стали теория всемирного тяготения Ньютона 1666 г.; закон электромагнитной индукции Фарадея 1831г., доказательство существования электромагнитных волн Герцем в 1887 году, обоснование внешнего фотоэффекта Эйнштейном в 1905 году, за что последний был награжден Нобелевской премией в 1921 году

Будь то всемирное тяготение или электромагнитное поле, в физике они понимаются как «поля», обладающие определенными физическими свойствами и взаимодействующие по принципу «взаимосвязи», т.е. благодаря их взаимодействию происходит движение планет в Солнечной системе, искусственных спутников Земли, притяжение тел к Земле (всемирное тяготение); генерирование электродвижущей силы пропорционально скорости изменения магнитного потока (закон электромагнитной индукции).

Можно сказать, что явление «взаимосвязи» – это объективно существующее повсеместное явление в природе. Большое количество необъяснимых в настоящее время природных явлений напоминает человечеству о том, что, возможно, в природе существует еще множество физических полей иных форм и соответствующих взаимодействий. Исследование еще не изведанных «физических полей» других типов способствует не только прогрессу в области физики, но и развитию прогностики, например, прогнозированию землетрясений. Известно, что

прогнозирование землетрясений по-прежнему является ахиллесовой пятой науки и техники. Сейсмологи выдвинули большое количество методик прогнозирования, но факты свидетельствуют о том, что среди них нет методов, позволяющих точно спрогнозировать землетрясение в течение короткого времени. С точки зрения науки о взаимодействии, взаимосвязь и способность распознавания человечеством большого количества информации о природе все еще недостаточна, что сковывает развитие прогнозирования землетрясений и других стихийных бедствий, а также развитие прогностики в более широком смысле.

В 2003 г. был открыт принципиально новый физический эффект трехмерного изменения гравитационного поля перед сильными землетрясениями на огромном расстоянии от эпицентра землетрясения (от 1000 км до 10000 км), что по сути также является примером «взаимодействия». Глобальная Сеть Прогнозирования Землетрясений (GNFE), созданная на базе станций ATROPATENA (реализованы на основе вышеуказанного физического эффекта), функционирует с начала 2009 года, и за это время было предоставлено более 300 прогнозов для землетрясений с магнитудой, превышающей 5 баллов по шкале Рихтера, 91% из которых подтвердились, что демонстрирует высокую точность прогнозирования. Возможно, этот метод позволит выйти на новый уровень в прогнозировании землетрясений.

2. Концепция «инь-ян»

Упоминания об «инь-ян» встречаются еще с периода Чуньцю в трудах «И чжуань» и «Дао-дэ цзин» Лаоцзы. В «Дао-дэ цзин» сказано: «Все вещи несут в себе Инь и обнимают Ян». В «Гуань-цзы сыши» сказано: «Инь и Ян – великий принцип небес и земли; четыре времени – это великий путь инь и ян». В сочинении «Основные указания о шести школах» из «Шицзи, автобиография тайшигуна» школа «инь-ян» стоит на первом месте из шести школ. В «Шицзи» сказано об этом так: «Изменения "инь-ян" являются причиной всех природных явлений». Концепция «инь-ян» в «Гуйгуцзы» не

только продолжила достижения, созданные предшественниками, но также полностью реализовала собственную субъективную активность, а с позиции странствования и распространения, путь инь-ян выступает в качестве способа продвижения этой теории [2]. В «Трактате Желтого императора о внутреннем» говорится, что «инь-ян» – это главный закон всего сущего и жизнедеятельности человека. В «Вопросах о простейшем. Рассуждениях о классификации природных явлений инь-ян» сказано: «Инь и ян – путь неба и земли, устои и порядок всех вещей, отец и мать изменений и превращений, основа и начало жизни и смерти, вместилище духовной ясности» [3].

По некоторым новым открытиям в современной физике наблюдаются совпадения с древней китайской философской идеей «инь-ян». Особенно символично это на примере открытия «антивещества». Объяснение состояний с отрицательной и положительной энергией в релятивистской квантовой механике в 1928 году Дираком (Dirac P.A.) по сути уже предвещало симметричность частиц и античастиц ферми и существование античастиц. В 1940 году Эрнст Штюкельберг и Р.Ф. Фейнман (Feynman R.P.) с помощью волновой функции и диаграммы Фейнмана описали процесс появления и исчезновения частиц и античастиц, выдвинули гипотезу о том, что античастицы – это частицы, движущиеся против часовой стрелки [4]. В 1932 году Андерсен, проводя исследования космического излучения с помощью магнитной камеры Вильсона, обнаружил античастицу электрона – позитрон; в 1955 году Чемберлен и др. в лаборатории имени Лоренса в Беркли в США (LBL) открыли антипротон; в 1995 году европейским центром ядерных исследований (CERN) был открыт антиводород [5]. Вплоть до сегодняшнего дня физики открыли более 300 видов элементарных частиц, все они представляют собой симметричные пары положительных и отрицательных частиц. Открытие антивещества, античастиц – это очень наглядное современное проявление существования баланса «инь-ян».

Явным проявлением идеи «инь-ян» является и третий закон Ньютона: действию всегда есть равное и противоположное противодействие.

Основываясь на древней китайской концепции «инь-ян», стоит поднять следующий вопрос из области физики: существует ли в природе противоположное всемирному тяготению гравитационное отталкивание? Согласно внутреннему философскому содержанию концепции «инь-ян» (у всего есть обратная сторона, т.е. «от одного инь ничего не рождается, от одного ян ничего не растет», «от одного ян или инь ничего не рождается, от одного инь или ян ничего не изменяется»).

В 2011 году Сол Перлмуттер, Брайан Шмит и Адам Рисс получили Нобелевскую премию за открытие ускоренного расширения Вселенной посредством наблюдения дальних сверхновых. Их исследования показали, что расширение Вселенной не замедляется, как считалось на протяжении почти всего XX века, а ускоряется. Как выяснилось, что кроме всемирного тяготения, существует всемирное антитяготение, в данном случае, отталкивание одних галактик от других, что является причиной ускоренного расширения Вселенной. Данное открытие демонстрирует существование всемирного тяготения и антитяготения, т.е. наличия у открытого ранее всемирного тяготения обратной стороны – «инь».

Другой вопрос заключается в следующем: может ли время в определенных условиях течь вспять или останавливаться? И этот вопрос также связан с «инь-ян». С точки зрения теории относительности, время обладает такой особенностью как относительность: протяженность и скорость времени относительны. В таком случае, интерпретируя этот вопрос с точки зрения прогностики, можно ли предсказать событие или результат, который должен произойти в будущем пространстве и времени, с помощью вероятно существующей информации о «пространственно-временных взаимодействиях» или принципе «инь-ян»?

3. Концепция «причинности»

До проникновения буддизма в Китай конфуцианство и даосизм представляли собой основные течения китайской культуры, в которых уже имелась простая концепция «причинности». После того, как буддийская

концепция «причинности» проникла из Индии в Китай, она быстро смешалась с некоторыми твердыми категориями традиционной китайской культуры и местной китайской концепцией воздаяния и развилась в особую концепцию «причинности» с китайской спецификой, которая на протяжении долгого времени широко влияла на духовный мир китайцев [6].

Совпадение заключается в том, что у древнегреческих философов была подобная теория причинности. Сократ (469-399 гг. до н.э.) утверждал, что «ряд причин и следствий в природе бесконечен», «посеяв какую-либо причину, получишь ее следствие, это вечный закон». В современной западной философской идеологии также достаточно размышлений о теории причинности. Английские эмпирики с Бэкона до Локка рассматривают закон причины и следствия как неизбежность, полагают, что у всего есть причина, и это лишь доказывает наш опыт. Вопрос причинности во всем труде «Критика чистого разума» Канта является «одним из главных и основных доказательств» [7].

Объективно говоря, «теория причинности» по праву считается одним из стереотипов современной науки. Благодаря упавшему яблоку Ньютон осознал причину – всемирное тяготение; Дарвин по следам органической эволюции и истории нашел причину – «естественный отбор» и следствие – «выживание сильнейших». В действительности в результате глубоких размышлений ученых о причинах макроскопических и микроскопических физических явлений появились два так называемых краеугольных камня современной физики – квантовая теория и теория относительности. Уравнение Шрёдингера является воплощением причинно-следственной связи в квантовой механике [8]. Есть ли иные причинно-следственные связи в квантовой механике?

Относительно этого вопроса Борн в свое время сказал следующее: «Частицы движутся по закону вероятности, но сама вероятность распространяется по закону причинности». По теории причинности в геотектонике известны геомеханика и теория плит, ранее в основном изучали различные тектонические и механические свойства и генезис, а также

классификацию тектонических систем, позже в основном стали изучать перемещения и механические взаимосвязи кусков литосферы, а также механизмы источников энергии перемещения [9]. Заглядывая в будущее, можно сказать, что теория причинности по-прежнему будет ключом для ученых и философов в исследовании многих вопросов. В чем глубинная причина возникновения силы всемирного тяготения? Что такое время? Как связаны между собой время и пространство? Как зародилась жизнь? Обладает ли жизнь во вселенной всеобщностью и необходимостью существования? Объективно говоря, философская ценность теории причинности воплощается не только в том, что она представляет собой определенное научное воззрение, но и в том, что она является научной методологией.

4. Концепция «цикличности»

Гексаграмма Фу из «Чжоу И» – возврат – четко выдвигает концепцию цикличности, заключающуюся в том, что при росте инь уменьшается ян, а при росте ян уменьшается инь, уменьшение и увеличение инь и ян взаимообусловлено, их изменения происходят по определенным законам [10]. Лао-цзы полагал, что есть всеобщее правило во вселенной: «Когда вещь достигает своего предела, она переходит в противоположное». «Возврат – движение Дао» ставит на первое место внешнюю форму движения Великого Дао, заключающуюся в периодическом, циклическом повторении, что является непосредственным описанием движения Великого Дао. Основное положение модели мышления школы «инь-ян» в Китае на раннем этапе заключается в чередовании, круговороте инь и ян, концепции цикличности [11].

С точки зрения современной науки, цикл – это один из основных способов движения материи в природе. В астрономии движение планет вокруг солнца, движение спутников вокруг планет всегда цикличны и повторяются; с точки зрения физики и химии, циклическое вращение электронов вокруг атомного ядра широко признано во всем научном мире; в геологии будь то циркуляция воды, а именно «небесной воды» (дождь, снег)

→ реки → озера, моря и океаны → вода, испарившись, превращается в облака
→ небесная вода, или геологические процессы в литосфере, а именно эрозия
→ денудация → перемещение → отложения → диагенез → эрозия, денудация
– все это ясно отражает особенности циклического движения в природе. Очевидно, что философские идеи о теории цикличности по своему существу соотносятся и взаимосвязаны с открытиями в современной науке. А с точки зрения современной науки внутреннее содержание цикличности является богатым и разнообразным, это и циклическое движение планет вокруг звезд, и циклическое движение вверх по спирали в ходе биологической эволюции, и циклы геологического развития гидросферы и литосферы на Земле и т.д.

В таком случае, какие новые открытия для современной науки несет древняя китайская идея цикличности? Нам не мешало бы с точки зрения цикличности вновь детально рассмотреть вопросы «что такое время?», проблемы «большого взрыва», «черных дыр». Возможно, движение во времени и в пространстве похоже на движение воздушных тел и подчиняется некоторым механизмам цикличности; существование и эволюция жизни во вселенной также подчиняется некоторым повторяющимся циклическим механизмам; возможно, вселенная находится в цикле «расширения-сжатия», а «черные дыры» – это звенья некоей циклической цепи.

Концепции древней китайской философии имеют широкое значение, которое отнюдь не исчерпано на сегодняшний день. Несмотря на то, что они появились много веков назад, тем не менее, они не идут вразрез и не противоречат современной науке, а в чем-то до конца еще не поняты нами, и каждое новое научное открытие позволяет выявить новые смыслы. Это связано с тем, что история науки в контексте эволюции картины мира теснейшим образом связана с историей философии.

Казалось бы, возврата к древности быть не может хотя бы в силу наивно-созерцательного характера натурфилософских исканий древних мыслителей. Ведь они основывали поиски истины на сугубо умозрительных построениях, достаточно далеких от эмпирической науки, базирующейся

прежде всего на опыте и повторяемости результатов и обеспечивающей познание природы с помощью инструментальных исследований. При этом парадокс состоит в том, что чем глубже наука проникала в строение материи или далеких звездных миров, тем явственнее обнаруживалось, что она следует по стопам древних философов.

В последние десятилетия мы наблюдаем стремительный технический прогресс, некую научно-техническую гонку сильнейших стран мира, которые используют все средства для победы. Сделано множество открытий в разных областях науки, но все они пока лежат в одной плоскости, которая скована рамками принятой на сегодняшний день картины мира. Почему на сегодняшний день не создано стабильно эффективных вакцин от СПИДа, рака и способов лечения некоторых других болезней? Почему в качестве транспортных средств используются, например, самолеты и автомобили, конструкция которых совершенствуется, вводятся новые элементы, но в целом концепция остается на прежнем уровне? Несмотря на значительный прогресс науки и техники, знания, которыми обладает человечество, не дают полной картины мира, не объясняют многих явлений, и, вполне возможно, что разгадка кроется не в техническом совершенствовании и наращивании потенциалов, а в переходе на новый виток спирали, новый цикл, новом прочтении старых знаний. Древнекитайская философия представляет особую ценность для ученых ввиду обособленности своего развития, что позволит внести свежую струю, нестандартные взгляды и откроет новые горизонты развития современной науки.

Список литературы

1. 张忠-高道才-《周易》感应思想初探 .2007, 19 (2):70-80. Чжан Чжун, Гао Даоцай. "Начальное исследование идеи реакции в "Чжоу и". 2007, 19(2): 70-80. Chzhan Chzhun, Gao Daocaj. "Nachal'noe issledovanie idei reakcii v "Chzhou i" . 2007, 19 (2): 70-80.

2. 易晓-胡世文-《鬼谷子》阴阳思想本质内涵探析. 2011(5):72-116. И Сяо, Ху Шивэнь. "Гуйгуцзы: анализ содержания концепции инь-ян" . 2011 (5): 72-116. I Sjaо, Hu Shivjen'. "Gujguczy: analiz sodержanija koncepcii in'-jan" . 2011 (5): 72-116.
3. 傅贞亮-黄帝内经对阴阳学说发展的贡献 2005, 28 (1): 1-4. Фу Чжэньлянь. Вклад "Трактата Желтого императора о внутреннем" в развитие учения об Инь и Ян. 2005, 28 (1): 1-4. Fu Chzhjen'ljan. Vklad "Traktata Zheltogo imperatora o vnutrennem" v razvitie uchenija ob In' i Jan. 2005, 28 (1): 1-4.
4. 杨介甫.反物质的物理基础和微观特性. 2001, 24 (2): 33-36. Ян Цзефу. Физическая база и микроскопические характеристики антиматерии . 2001, 24 (2): 33-36. Jan Czefu. Fizicheskaја baza i mikroskopicheskie harakteristiki antimaterii . 2001, 24 (2): 33-36.
5. 杨介甫, 陈瑞凯, 唐立军等-物质世界与反物质世界.1999, 22 (4): 36-42. Ян Цзефу, Чэнь Жуйкай, Тан Лицзюнь. Материальный мир и антиматериальный мир . 1999, 22 (4): 36-42. Jan Czefu, Chjen' Zhujkaj, Tan Liczjun'. Material'nyj mir i antimaterial'nyj mir. 1999, 22 (4): 36-42.
6. 白艳玲-因果报应思想与中国古代小说的道德教化主题. 2007, (2): 26-27. Бай Яньлин. Концепция кармы и тема нравственного перевоспитания в древних китайских романах . 2007, (2): 26-27. Baj Jan'lin. Консерсия кармы i tema нравственного perevospitanija v drevnih kitajskih romanah . 2007, (2): 26-27.
7. 康蒲·斯密.康德-《纯粹理性批判》解义(韦卓民译. Кемп Смит. Комментарии к "Критике чистого разума" Канта. 2000. Kemp Smit. Kommentarii k "Kritike chistogo razuma" Kanta . 2000.
8. 张晓娟, 郑维民-物理学中的因果论. Чжан Сяоцзюань, Чжэн Вэйминь. 2013, 21(3): 9-11. Chzhan Sjaoczjuan', Chzhjen Vjejmin'. 2013, 21(3): 9-11.
9. 陈国达-历史—因果论大地构造学自议.1992, 16 (1): 1-71. Чэнь Го́да. Мнение по поводу теории причинности в геотектонике. 1992, 16(1): 1-71. Chjen' Goda. Mnenie po povodu teorii prichinnosti v geotektonike. 1992, 16 (1): 1-71.
- 10.董振楠-浅议周易循环论思想.2011, (32):5. Дун Чжэньнань. Обзорный разбор теории цикличности в Чжоу И. 2011, (32):5. Dun Chzhjen'nan'. Obzornyj razbor teorii ciklichnosti v Chzhou I. 2011, (32):5.
- 11.张彬, 曹晓岚, 李晓光-阴阳学说之哲学思想源流考.2009, 4(1): 10-11. Чжан Бинь. Цао Сяолань, Ли Сяогуан. Исследование истоков философских идей учения об Инь и Ян. 2009, 4(1): 10-11. Chzhan Bin'. Cao Sjaolan', Li Sjaoguan. Issledovanie istokov filosofskih idej uchenija ob In' i Jan. 2009, 4 (1): 10-11.

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция «Софияполис» приглашает к ознакомлению с материалами статей и тезисов, представленных на XI Международной научной конференции по проблемам интерпретации текста, посвящённой памяти писателя, поэта, доктора филологических наук, профессора Галии Дуфаровны Ахметовой (23 – 24 ноября 2018 г., г. Чита). Ответственный редактор – А.Е. Горковенко.

УДК 81-139

В.В. Елисеева
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: varyel@gmail.com

Извлечение смысловой составляющей литературного текста

Аннотация: На примере разбора отрывка из романа К. МакКаллерс «Участница свадьбы» предлагается модель анализа литературного текста, позволяющая обоснованно сформулировать подтекстовую информацию, заключенную в данном фрагменте. Модель анализа базируется на теориях, предложенных И.Р. Гальпериным и Л.А. Киселевой.

Ключевые слова: Анализ, текст, смысл.

V.V. Eliseeva
Candidate of Philology, senior lecturer,
StPetersburg state university (StPetersburg, Russia)
E-mail: varyel@gmail.com

Finding out the hidden meaning component of a literary text

Annotation: A fragment of “The Member of the Wedding” by C.MacCullers is chosen to demonstrate a pattern of the analysis which makes it possible to substantiate the wording of the subtextual kind of information hidden in the text. The pattern is based on the theoretical works of I.Galperin and L.Kiseliova.

Key words: Analysis, text, meaning.

Разнообразие подходов к анализу текста отражает разнообразие целей, с которыми этот анализ предпринимается. Так, в процессе подготовки к переводу либо редактированию литературного текста недостаточно выявить стилистические средства его создания, поскольку прежде всего необходимо учитывать авторское коммуникативное намерение и вероятное наличие в тексте скрытых смыслов (подтекста). Исходя из этого, в качестве одного из возможных предлагается метод прагмалингвистического анализа, основанный на теории текста И.Р. Гальперина [1] и принципе построения прагматических полей, описанном Л.А. Киселевой [2].

Согласно Гальперину, содержательная информация внутри текста может быть представлена тремя ее видами – содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая (СПИ) [1, с. 27]. СФИ передает сведения о фактах, событиях и т.д., положенных в основу любого текста. Эксплицированность природы этого вида содержательной информации достигается использованием языковых единиц в их предметно-логических, прямых значениях. СКИ отвечает за передачу индивидуально-авторского отношения к фактам, описанным средствами СФИ. СКИ не сводится к идее, положенной в основу текста, а представляет собой творческое переосмысление описываемых фактов как автором, так и читателем текста. Степень эксплицированности СКИ зависит от жанра произведения. Так, максимальная вербализация СКИ характерна для морально-дидактических текстов, в остальные жанрах наблюдается её различная степень. Третий вид содержательной информации, выделенный И.Р. Гальпериным, СПИ, представляет собой скрытую, неэксплицированную информацию, которая может быть извлечена из текста благодаря способности языковых единиц порождать дополнительные (коннотативные и ассоциативные) смыслы.

Наличие в тексте дополнительных смыслов указывает, таким образом, на взаимодействие всех трех видов содержательной информации, описанных И.Р. Гальпериным. Такое взаимодействие определяется целевым предназначением текста, его коммуникативной направленностью. Обеспечивающие целевую направленность текста языковые единицы Л.А.Киселева [2] объединяет в два вида прагматических полей – интеллектуально-информативное (ИИП) и собственно-прагматическое (ПП) и предлагает распределять языковые единицы, исходя из их функций в тексте. К ИИП, таким образом, относятся единицы, не имеющие установки на регуляцию человеческого поведения, тогда как единицы ПП четко направлены именно на такую регуляцию. Легко заметить, что единицы ИИП предназначены для передачи сведений о фактах, событиях и т.д., положенных в основу любого текста, то есть формирования СФИ. Л.А. Киселева предлагает для именованя таких единиц термин «информемы» – «лексемы без эмоционально-оценочных коннотаций» [2, с. 108]. Единицы ПП («прагмемы» [2, с. 108], то есть коннотированные лексемы и единицы всех языковых уровней, обогащенные дополнительными смыслами в контексте данного произведения), являются средствами либо экспликации СКИ, либо сигналами скрытых смыслов, то есть СПИ. В свою очередь, прагмемы подразделяются исследователем на две группы – языковые и речевые. К языковым Л.А. Киселева относит единицы языка, способные, за счет своей коннотированности, выполнять в тексте прагматические функции (побудительную, эмоционально-оценочную, экспрессивную и т.д.). Именно это свойство языковых прагмем позволяет говорить о явной эксплицированности и четкой вербализации СКИ. Прагмемы речевые представляют собой, напротив, языковые единицы (чаще всего, информемы исходно), перешедшие в прагматическое поле в процессе создания текста, то есть в ходе речевого акта. Необходимым условием для такого перехода является наличие в содержании слова основы для переосмысления под влиянием общей прагматической направленности текста (речевого акта).

Таким образом, процесс выявления авторского коммуникативного намерения и скрытых смыслов текста может быть построен на основе анализа языковых и речевых единиц, передающих СФИ и СКИ и указывающих на наличие дополнительного вида содержательной информации – СПИ. Информемы, выделяемые из текста в процессе его анализа, образуют тематическую сетку, передающую СФИ. Языковые прагмемы формируют и эксплицируют СКИ, а взаимодействие информем и языковых прагмем приводит к появлению сигналов дополнительных смыслов, позволяя выявить речевые прагмемы, формирующие СПИ.

На примере разбора фрагмента повести К. Маккаллерс «Участница свадьбы» (C. MacCullers. The Member of the Wedding) рассмотрим возможный ход анализа текста, содержащего скрытые смыслы.

It happened that green and crazy summer when Frankie was twelve years old. This was the summer when for a long time she had not been a member. She belonged to no club and was a member of nothing in the world. Frankie had become an unjoined person who hung around in doorways, and she was afraid. In June the trees were bright dizzy green, but later the leaves darkened, and the town turned black and shrunken under the glare of the sun. At first Frankie walked around doing one thing and another. The sidewalk of the town finally became too hot for Frankie's feet, and also she got herself in trouble. She was in so much secret trouble that she thought it was better to stay at home - and at home there was only Berenice Sadie Brown and John Henry West. The three of them sat at the kitchen table, saying the same things over and over, so that by August the words began to rhyme with each other and sound strange. The world seemed to die each afternoon and nothing moved any longer. At last the summer was like a green sick dream, or like a silent crazy jungle under glass. And then, on the last Friday of August, all this was changed: it was so sudden that Frankie puzzled the whole afternoon blank, and still she did not understand [3, с. 1].

Начнем анализ текста с выявления фабульной сетки, для чего выберем из отрывка основные информемы. Легко заметить, что они укладываются в

несколько тематических групп, образуя четкие ориентиры для читателя. Так, языковые единицы *summer, twelve years old, June, at first, finally, August, each afternoon, last Friday of August* в своем прямом значении образуют тематическую группу “time” («время»), непременный атрибут сюжетной конструкции любого текста. Другой обязательной частью сюжета является тематическая группа “place”(«место»). В данном фрагменте она представлена информемами *doorways, town, sidewalk, home, at the kitchen table*.

Выборка языковых прагмем (напомним, что к ним относятся коннотированные языковые единицы разных уровней) позволяет сформулировать СКИ. Прагмемы *crazy, dizzy, die, sick dream* объединяются на основе семы «болезнь», образуя группу с отрицательной коннотацией «отклонение от нормы», «болезненность». К этой группе примыкают прагмемы, максимально вербализующие тему «страх» – *was afraid, much secret trouble*. Прагмемы “nothing in the world”, “unjoined”, в совокупности с отрицательной формой сказуемого “had not been a member” объединяются, создавая часть СКИ «изолированность». Третья составляющая СКИ в данном фрагменте может быть сформулирована как «монотонность» (*the same things over and over, the words began to rhyme, each afternoon*). Таким образом, СКИ фрагмента выражена группами слов, передающих отрицательную эмоциональную оценку («отклонение от нормы», «страх», «изолированность», «монотонность»).

Под влиянием СКИ информемы, входящие в текст, как и часть языковых прагмем, актуализируются (термин Л.А. Киселевой [2, с. 65]), переходя в прагматическое поле и превращаясь в речевые прагмемы. В частности, комбинация информем *summer, twelve years old* и составляющих СКИ языковых прагмем с отрицательной эмоциональной оценкой приводит к появлению метафоры *summer – time of (difficult, uncomfortable) life*, поддержанной переосмыслением и другой группы (*black, hot, darken, shrunken*). Общая метафора (переход от тепла к жаре – переход от детства к отрочеству) позволяет извлечь подтекстовую информацию – дискомфорт

отрочества, предчувствие подростком неведомых и грозных опасностей грядущей взрослой жизни, страх перед будущим и ощущение одиночества.

Предлагаемая здесь методика анализа текста не является, безусловно, единственно возможной для решения вопроса о наличии в тексте скрытых смыслов. Тем не менее, она, на наш взгляд, позволяет достаточно доказательно выявить не только средства создания всех видов содержательной информации, но и обоснованно сформулировать ее подтекстовую разновидность, что может оказаться необходимым в процессе редактирования либо предпереводческой подготовки литературного текста.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
3. McCullers C. The Member of the Wedding. Bantam Pathfinder editions, 1969. 153 p.

УДК 81'23(075.8)

В.С. Ковалева
кандидат филологических наук, доцент,
Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Россия)
E-mail: vaseko58@mail.ru

Взаимодействие текста и затекстовой информации в произведениях Славы Сэ

Аннотация: Слава Сэ – псевдоним блогера и писателя Вячеслава Солдатенко. Его произведения рождаются из наблюдений за окружающими: родными, друзьями, знакомыми, случайно встреченными людьми. Он пишет житейские истории, привлекательные благодаря тонкому юмору. Этот юмор основан на недосказанности, додумывании и опирается на затекстовую информацию. Текстовые компоненты создаются в результате связи текстовой и затекстовой информации, благодаря социокультурному фону, который известен большинству носителей языка. Жанровая принадлежность его

произведений неоднозначна.

Ключевые слова: Слава Сэ, Вячеслав Солдатенко, Интернет, реальная действительность, текст, затекстовая информация.

V.S. Kovaleva
Candidate of philological sciences, associate professor,
Smolensk State University (Smolensk, Russia)
E-mail: vaseko58@mail.ru

Interaction of text and non-textual information in the works of Slava Se

Summary: Slava Se is a pseudonym of blogger and writer Vyacheslav Soldatenko. His works are born from the observation of others: family, friends, acquaintances, accidentally met people. He writes worldly stories that are attractive because of the subtle humor. This humor is based on innuendo, thinking and based on non-textual information. Text components are created as a result of the connection of text and non-textual information, thanks to the socio-cultural background, which is known to most native speakers. The genre of his works is mixed.

Keywords: Slava Se, V. Soldatenko, Internet, real, text, non-textual information.

Известность пришла к Славе Сэ в 2010 году, ему в ту пору было чуть более 40 лет (родился в 1969 году). Настоящее имя этого известного в Рунете блогера – Вячеслав Солдатенко. В «Живом журнале» количество его почитателей приближается к двум тысячам. Его блог `resen_net` входит в число наиболее популярных у подписчиков. Из двух его псевдонимов – Ваныч и Слава Сэ – более известен второй. Именно этот псевдонимом стоит на обложках сборников его произведений:

«Сантехник, его жена, кот и другие подробности» (2010);

«Жираф» (2010);

«Ева» (2011);

«Последний сантехник» (2015);

«Весь сантехник в одной стопке» (2016), включает две книги: «Сантехник, его жена, кот и другие подробности» и «Сантехник. Твоё моё колено»;

«Сантехник с пылу и с жаром» (2018);

«Когда утонет черепаха» (2018).

Почему так много *сантехника* у Славы Сэ? Ответ очевиден: это его ремесло на сегодняшний день, дающее ему определенные средства к существованию и не отнимающее много времени, которое автор предпочитает посвящать своим детям и творчеству. Есть в этом выборе профессии некая бравада – причисление себя к тем интеллигентам, фрондировавшим в годы советской власти, которые уходили в дворники, кочегары, чтобы иметь возможность заниматься творчеством и не числиться тунеядцами, что в СССР преследовалось законом.

У Славы Сэ хорошее образование: за его плечами психологический факультет Международного института практической психологии в Риге. Он имеет внушительный профессиональный послужной список: работал психофизиологом в комиссии медицинской экспертизы при МВД Латвии, маркетологом, и за два года достиг серьезных должностей – был членом совета директоров группы предприятий, диктором синхронного перевода, занимался журналистикой.

Читатели и почитатели Славы Сэ любят его творчество, потому что он не просто пишет житейские истории, они получаются у него удивительно привлекательными благодаря тонкому юмору. Слава Сэ – наблюдательный знаток жизни со своим особенным взглядом на все происходящее и своим неповторимым стилем.

Секрет популярности Славы Сэ, на наш взгляд, кроется в умении сделать невидимой границу между эксплицитной и имплицитной информацией, поскольку текст и затекст у него тесно взаимодействуют.

Затекстом, вслед за Е.М. Рожковой, будем считать проявление действительности в художественном тексте: «Объективная сторона

содержания, характеры и ситуации, референциально соотносящие текст с действительностью, в лингвистической литературе обозначаются термином «затекст»» [3, с. 212]. Апеллируя к мнению профессора В.П. Белянина, исследовательница соглашается с тем, что «затекст присутствует в тексте неявно – как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору. Как правило, затекст – это реальные события. В художественной литературе затекст является вымышленным» [1, с. 112]. Относительно творчества Славы Сэ возникает вопрос, можно ли отнести его произведения к художественной литературе в ее классическом понимании, если затекстовая информация у него не является вымышленной? В одном из интервью он назвал себя текстовиком и признался, что после выхода первой книги узнавшие себя в его произведениях читатели, его знакомые, даже в суд на него пытались подать [2].

В самом деле, ведение сетевого дневника, живого журнала (ЖЖ), предполагает определенную степень искренности автора, его пребывание одновременно и в виртуальном мире, и в реальной действительности. Слава Сэ свои творения назвал *наблюдениями*, которые однажды, по просьбе издательства, стали книгой. И все-таки разница между Славой Сэ и Вячеславом Солдатенко есть, вот что об этом в уже упоминавшемся интервью сказал сам автор: «Слава Сэ – это образ, придуманный для Интернета. Он мягкий, теплый, сентиментальный, совершенно не алчен, любит детей и женщин, по-моему, без разбора. Просто по признаку наличия двух ног и каких-то еще деталей. Автор – другой человек. Со своими тараканами и вовсе не такой лиричный. Оттого бывают неловкости при развиртуализации» [2].

Жанр произведений Славы Сэ трудно определить однозначно: их называют эссе, рассказами, нон-фикшн. Последний термин, по-видимому, связан с тем, что затекст его произведений вполне реален.

Обратим внимание, например, на название одного из сборников – «Весь сантехник в одной стопке». Излишне объяснять жителям постсоветского

пространства, какая связь существует между *сантехником* и *стопкой* (как известно, в затексте проявляется социокультурный фон, связанный со знаниями особенностей социальной структуры и жизни общества).

Приведем примеры отдельных затекстов:

известное грузинское гостеприимство:

«Собираясь в Грузию, возьмите запасную печень. С обычным набором органов красоту этой страны трудно постичь. Пейзажи там невероятны, а гостеприимство доходит до ярости. Гости дают больше прав не посещать работу, чем перелом ноги или холера. В глубинке гость считается общей добычей, его празднуют всем селом, всякий раз как последний» («Путешествующим») [4];

советский дефицит:

«Одного советского профессора сослали во Францию и за месяц заплатили тридцать тысяч франков. Его жена и дочь составили список чего купить... Согласно списку, поесть профессор мог бы и дома» («Обращение к орущим. И немного про моду») [4];

новые жизненные ориентиры:

«В идеальном мире число женщин и банкиров должно совпадать» («Пара слов о совершенстве») [4];

последствия распада СССР:

«Однажды в Латвии пропал бензин. Это как-то связано с независимостью, приходит одно – пропадает второе» («Чего боится французский повар») [4].

Нередко затекстовая информация у Славы Сэ связана с прецедентными феноменами: «Я готовлюсь к ремонту. Вспоминаю жизнь. Что видел, где побывал. Неизвестно ведь, как дальше сложится. Трёшку отремонтировать – *не поле перейти*. Ремонт бывает больше *дерева, дома и сына*. На борьбу с дизайнерским талантом жены уходят лучшие годы. Многие успевают только кухню и комнаты. Ванную и коридор завещают детям. Другие трудятся до самого потопа, логично завершающего вообще все

ремонт. Наводнение смывает избыточную красоту. Идущий следом за инфарктом альтист приучает человека любить мир какой он есть – с потёками, искрящей проводкой и пузырями на обоях» («Хозяйственное») [4]; **«Роясь в бумагах, Лара нашла документы на баню. Оказалось, я женат на помещице. Я мог бы прыгать из парилки в пруд и удивлять коров своими плавными обводами. Но моюсь в ванной, как Шариков» («Немного усадебной литературы») [4].**

Как видим, в произведениях Славы Сэ текстовые компоненты создаются в результате связи текстовой и затекстовой информации, то есть благодаря социокультурному фону, фоновым знаниям, которые существуют вне конкретного текста и, как правило, известны большинству носителей языка.

Многие читатели видят особый шарм произведений автора в их недосказанности, в возможности додумывания. Юмор Славы Сэ как раз и рождается из недосказанности, из додумывания, он в большей степени опирается на затекстовую информацию.

Вот пример типично женского поведения (женской логики): «Одна моя знакомая пять часов визжала на табурете. К ней пришла мышь и гуляла по кухне, как по гастроному. Мыши хотелось на ужин чего-то необычного. Женщина боролась с грызуном противным голосом. Мышь морщилась, но терпела.

На шум заглядывал кот, но чисто посмотреть. Он был пацифист, в его душе росли тюльпаны.

Потом пришёл муж и спас всех шваброй. Бросил, промахнулся, и уже по звону посуды мышь поняла: больше здесь ей не рады. Пора. Конечно, виноват муж» («Боуто, повелитель женщин») [4].

Тексты его произведений подкупают доверительной манерой повествования. В них нет заигрывания с читателями, нет желания ни потакать им, ни показывать свое превосходство. Образно говоря, он пишет, как дышит. В поведении некоторых персонажей узнаешь себя, отдельные зарисовки как

будто взяты из твоей жизни. В какой-то момент ловишь себя на том, что автор сформулировал ту мысль, которая у тебя никак не облекалась в вербальную форму: «Лето здесь унизительно короткое. Какой-то вжик. Как вы провели свой вжик? Надел сандалии, посетил магазин, принёс клубники, съел. Всё. А по документам оно длится три месяца! Бюрократизм и волокита даже в климате» («1 сент.») [4].

Он до безумия любит своих дочерей, и эта любовь пронизывает все его тексты: «Перед сном у нас весёлая игра «вскипяти отца». Дети обещают спать, а сами ржут, ловят кота, топчут подушки, режут и ябедничают. Довольно энергично засыпают. Думал связать их канатом. Хлороформ и водка тоже эффективны, но дискредитируют меня как педагога. Я сулю им казни египетские, требую убрать ноги с подушки сестры, а вторые ноги пусть прекратят плевать, иначе пойдут спать на балкон.

Про балкон они говорят – прекрасно, ремень считают мифическим чудовищем, а меня самого – шумным кухонным комбайном. Они спрашивают, разве я не рад, что ноябрьскими вечерами у нас так весело.

Жизнь и правда, хороша. Даже будильник (6:40) не в силах её изгадить. – Я порхаю, как карибля! – говорит Ляля, прыгая по матрасу с пером в голове» («Девочки. Инструкция по сборке») [4].

И еще одно: он потрясающе пишет о женщине. Женщин в его произведениях великое множество, и не все они удостоиваются лестных слов. Но его восхищенный взгляд улавливает такие их позы, такие милые мелочи, на которые сами женщины вообще никогда бы не обратили внимания: «Мимика ног куда изощрённей, чем лицевая. Колени выразительнее глаз. Ставя в разные позиции, ими можно стесняться, дерзить, соглашаться на танец или ехать в Крым на чёрном джипе. Способов показать ногами, что болит голова, я знаю восемь. И девять – что голова уже прошла» («Напишите нам про ноги, – попросил один журнал...») [4].

А в затексте Слава Сэ – брошенный муж, который пытается найти оправдание ушедшей от него женщине. Он не ополчился ни на нее, ни на

других женщин, он занял позицию ироничного наблюдателя, эта мягкая ирония распространяется и на него самого – правильная позиция, снискавшая ему признание сотен читателей.

Список литературы

1. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2003. 232 с.
2. Просто тексты: интервью со Славой Сэ. 25 декабря 2012 // URL: <https://azamat-tseboev.livejournal.com/150984.html> (дата обращения: 20.10.18).
3. Рожкова Е.М. Затекст как форма проявления действительности в художественном тексте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С.212-216.
4. Слава Сэ // URL: <https://pesen-net.livejournal.com/> (дата обращения: 08.09.18).

УДК 821.161.1

А.Ю. Леонтьева
кандидат филологических наук, доцент
Северо-Казахстанский государственный университет
имени Манаша Козыбаева
(г. Петропавловск, Республика Казахстан)
E-mail: aleontieva13@mail.ru

Образ А.С. Пушкина в лирической антропосфере Г.В. Иванова

Аннотация: Статья посвящена поэтическому воссозданию и авторской интерпретации чувственно-конкретного образа А.С. Пушкина в художественном мире Г.В. Иванова. Образ А.С. Пушкина анализируется в диахронном аспекте творческого пути поэта-младоакмеиста и связывается с его основными лирическими темами истории России, творца и власти, жизни и смерти. Наблюдения над особенностями лирики Г.В. Иванова подтверждаются обращением к его мемуарной и критической прозе. Выводы опираются на историко-генетический метод литературоведческого анализа, филологическое описание и культурологический комментарий.

Ключевые слова: Акмеизм, интерпретация, образ, «парижская нота», текст, традиция, художественный мир.

A.Yur. Leontieva
candidate of philological Sciences, associate Professor
North Kazakhstan state University
named after M. Kozybaev
(Petropavlovsk, Kazakhstan)
E-mail: aleontieva13@mail.ru

A.S. Pushkin's image in the lyrical anthroposphere of G.V. Ivanov

Annotation: The article is devoted to the poetic reconstruction and author's interpretation of the sensually-specific image of Pushkin in the artistic world of G. V. Ivanov. The image of A. S. Pushkin is analyzed in the diachronic aspect of the creative path of the poet - junior acmeist and associated with his main lyrical themes of the history of Russia, a creator and power, life and death. Observations on the peculiarities of G. V. Ivanov's lyrics are confirmed by reference to his memoir and critical prose. The conclusions are based on the historical and genetic method of literary analysis, philological description and cultural commentary.

Key words: Acmeism, artistic world, interpretation, image, "Paris note", text, tradition.

Пушкин – в меру пушкиньянца!
М.И. Цветаева

Лирическая антропосфера Г.В. Иванова широка и разнообразна. Его художественный мир органично включает «Леонида под Фермопилами», Франсуа Вийона, Антуана Ватто с его «лёгкой кистью, «касающейся сердца», М.Ю. Лермонтова, грустящего И.С. Тургенева [1, т. I, с. 387, 230], Константина Леонтьева, Ф.И. Тютчева и др. Поэт формирует антропосферу, опираясь на культурно-исторические традиции. Образы людей в его лирике – это образы художников, интерпретированные с позиций эстетики акмеизма. Наша цель – рассмотреть особенности чувственно-конкретного воссоздания А.С. Пушкина на протяжении творческого пути младоакмеиста.

Образ А.С. Пушкина предстаёт в лирике и прозе Г.В. Иванова поливалентно. Мемуарная проза предлагает полилог разных голосов и точек зрения. Спорные идеи высказывают малообразованные люди, встреченные мемуаристом или известные ему по рассказам других. Сапожник Илья

Назарыч, «умнейший старик», делится парадоксальным выводом: «Пушкин, Александр Сергеевич, России не любил. До России ему дела никакого не было. Душой он немец, вот что. А любил он, ежели желаете знать, жену да Петра» [1, т. III, с. 13]. Продовольственный комиссар Глушков (очерк «Чекист-пушкинист») называет великого поэта дедом, гордится внешней схожестью, рассказывает о своей «бабушке-крестьянке, бывшей будто бы любовницей Пушкина и встречавшейся с поэтом в овраге около Н.» [1, т. III, с. 361]. «Неслыханное кощунство» открывается мемуаристу сначала в его словах «о том, что кровь Пушкина вопиет к миру, что она не отомщена, что за неё «надо мстить, мстить!», а затем в оценке мужика, назвавшего овраг гиблым местом и Глушковым оврагом: «Два года председателем Чека был, два года людей глушил». И теперь «ни одного расстрела не пропускает» [1, т. III, с. 361-362]. Амбивалентное отношение к А.С. Пушкину поэтов разных поколений на примере семьи Фофановых проясняет эстетическую сторону конфликта отцов и детей. К.М. Фофанов видит в себе «прямого, законного, единственного пушкинского наследника», а своего сына К. Олимпова (К.К. Фофанова) называет Дантесом. На что эгофутурист К. Олимпов «рассудительным тоном говорит: – Отстаньте, папаша. Пушкин ваш пошляк, а вы сами мраморная муха» [1, т. III, с. 308]. Небесспорно и мнение В.К. Шилейко: «Пушкин сам не знал, что он написал», – о стихотворении «Заклинание». И далее: «По существу, он был простой мальчик, хотя и гений. Всё по поверхности скользил. Лишь бы блестело, журчало, лилось, радовало слух. О чём, ему было всё равно – гроза так гроза, луна так луна. И вот взял вдруг не умом, а силой гения, договорился до последних вещей, до самой глубины глубин» [1, т. III, с. 379]. Сам мемуарист приписывает формулу Ап. Григорьева Ф.М. Достоевскому: «Достоевский сказал: «Пушкин – наше всё!»» [1, т. III, с. 191].

Иная интерпретация образа А.С. Пушкина свойственна акмеистам. Владимир Нарбут: «А к Пушкину – в лакеи поступить за счастье бы почёл» [1, т. III, с. 114]. Портретное сходство О.Э. Мандельштама с А.С. Пушкиным

подаётся Г.В. Ивановым с тёплым юмором. Сам он о работе над переводом «Орлеанской девственницы» Вольтера в очерке «Качка. Отъезд из России» признаётся: «В день я переводил до полутора ста строк добротным пятистопным ямбом, избегая неполных рифм и не позволяя себе никаких неточностей. Как-никак я продолжал дело, начатое Пушкиным. Первые двадцать строк этой поэмы, столь же блестящей, сколько кощунственной и неприличной, переведены им» [1, т. III, с. 448]. Автор воспринимает А.А. Ахматову и себя последними петербургскими поэтами – наследниками пушкинской эпохи: «Впрочем, «Пушкин – наше всё», Пушкин, не только самый великий, но и самый петербургский из всех русских поэтов» [1, т. III, с. 470]. И далее вспоминается пушкинское использование «неудобных глаголов» «блистали» и «гулял» в романе «Евгений Онегин»: «Онегин, добрый мой приятель, / Родился на берегах Невы, / Где, может быть, родились вы / Или блистали, мой читатель; / Там некогда гулял и я» [5, т. V, с. 9]. В воспоминаниях «Закат над Петербургом», продолжая тему петербургских поэтов, он творит пушкинский текст, обыгрывая причастия, образованные от тех же «неудобных глаголов»: «Заканчиваю свою фразу: из всех поэтов жива только блиставшая в Петербурге Анна Ахматова и когда-то гулявший в нём – я...» [1, т. III, с. 470].

В поэзии лирическая интерпретация образа А.С. Пушкина берёт начало с малоизвестного, к сожалению, стихотворения «26 августа 1912 г.», посвящённого 100-летию Бородинской битвы: «Празднуем в этот день славную мы годовщину. / Вновь Бородинских знамён шелест волнует сердца. / Видит растроганный взор воинств грозные массы, / Слышит ухо пальбу, звонкие клики побед» [2, с. 14]. Стихотворение знаменует обращение младоакмеиста к новой для него теме национальной истории и славы, причём символом русского величия становится юный А.С. Пушкин: «Но сияньем иным я взволнован сегодня, – / Не победами лишь светел двенадцатый год: / Юный Пушкин в те дни, миру ещё неведом, / Первые ласки муз в Царском Селе узнавал» [2, с. 15]. Прецедентным текстом можно считать пушкинскую

лирику и второе стихотворение цикла А.А. Ахматовой «В Царском Селе» («Смуглый отрок бродил по аллеям...», 1911), где присутствует А.С. Пушкин – подросток, отрок. В отличие от старшей современницы-акмеистки Г.В. Иванов называет фамилию великого поэта и точную дату как в современности, так и в контексте исторической памяти – 26 августа 1912 г., дату Бородинской битвы. Пушкинский текст включает «Воспоминания в Царском Селе» 1814-го и 1829 годов с упоминанием «бородинских кровавых полей» [5, т. I, с. 72], почивших «при звуке песней новых» «в полях Бородина», «на кульмских высотах, в лесах Литвы суровой, / Вблизи Монмартра...» [5, т. III, с. 149].

Г.В. Иванов высказывает в 1912 г. высокую веру и надежду: «Верит сердце моё в грядущую славу отчизны! / Знаю, – последний герой не скоро умрёт на Руси. / Но, ответа страшась, судьбу спросить не смею, / Пушкину равный поэт будет у нас когда» [2, с. 15]. Культуру дореволюционной России он уподобляет Элладу Фидия и итальянскому Возрождению: «Ту былую Россию даже скупой на похвалы, холодный сноб Поль Валери назвал в своём дневнике «одним из трёх чудес мировой истории» – Эллада, итальянский Ренессанс и Россия XIX века». И такая Россия достойна иметь символом своей культуры А.С. Пушкина: «величие Пушкина равно величию породившей его культуры», «имена Пушкина и России почти синонимы». Но Советскому Союзу отказано в этом праве: «Увы! – Пушкин и СССР не только не синонимы, но просто несравнимые величины. Нельзя, пожалуй, опуститься ниже по сравнению с уровнем его божественной, нравственной и творческой гармонии, чем опустилась «страна пролетарской культуры», наша несчастная Родина!» [1, т. III, с. 191]. Следовательно, в лирической интерпретации пушкинского образа будут нарастать трагические мотивы.

Следующее обращение Г.В. Иванова к образу великого поэта датируется 1919-м годом: «Пушкина, двадцатые годы, / Императора Николая / Это утро напоминает / Прелестью морозной погоды, // Очертаньями Летнего Сада / И лёгким полётом снежинок» [1, т. I, с. 489]. Мороз и снежинки

корреспондируют пушкинскому архетипу зимы, а Летний Сад напоминает о детских прогулках Онегина, которого губернёр «слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил» [5, т. V, с. 9]. Г.В. Иванов формирует панхронизм в традициях акмеистической эстетики, объединяя послереволюционную современность и 1820-е годы, помещая своих современников в пушкинскую эпоху: «Мог бы в двадцатых годах / Рисовать туманных красавиц, / Позабыв о своих летах, / Судейкин – и всем бы нравилось». Знаками панхронизма становятся «автомобили, / Рельсы зелёной стали», трамваи, которые «ходить перестали». Реалии XX века проецируются на XIX век: «Ну, и тогда кататься любили» [1, т. I, с. 489]. Ассоциируется тема катания в лирике и романистике А.С. Пушкина: «Скользя по утреннему снегу, / Друг милый, предадимся бегу / Нетерпеливого коня»; «Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен» [5, т. III, с. 125, 246]. Пушкинская эпоха для младоакмеиста – время иллюзий и искренних надежд, которые обманула современность: «И мебель красного дерева, / Как и тогда, кажется красивой, / Как и тогда, мы бы поверили, / Что декабристы спасут Россию». Стихотворение начинается и заканчивается именем А.С. Пушкина, т.о. кольцевая композиция подчёркивает значимость пушкинского образа: «И, возвращаясь с лицейской пирушки, / Вспомнив строчку расстрелянного поэта, / Каждый бы подумал, как подумал Пушкин: / «Хорошо, что я не замешан в это» [1, т. I, с. 489]. Расстрелянный поэт – Л. Каннегисер, застреливший в 1918 г. председателя Петроградской ЧК М. Урицкого.

Мысль о незамешанности в заговорах находит подтверждение в пушкинских письмах начала 1826 г. из Михайловского В.А. Жуковскому и А.А. Дельвигу: «Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?»; «Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились досыта. Конечно, я ни в чем не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится» [5,

т. X, с. 154, 155]. Г.В. Иванов переводит письменную речь во внутренний монолог лирического героя и персонажа, подчёркивая повторяемость и вечность конфликта поэта и власти, а также незащищённость творца.

Образ великого поэта снова появляется в стихотворении «Медленно и неуверенно / Месяц встаёт над землёй» (1928). Под «слегка декадентским» небом повторяется круговорот вечной драмы: «Всё в этом мире по-прежнему. / Месяц встаёт, как вставал, / Пушкин именье закладывал / Или жену ревновал». Драма обречённости творца подчёркивается ночным пейзажем и тем, что в художественном мире Г.В. Иванова после революции творчество лишается спасительной силы и оправдания: «И ничего не исправила, / Не помогла ничему, / Смутная, чудная музыка, / Слышная только ему» [1, т. I, с. 291].

Драматизм перерастает в трагедию в стихотворении 1931-го года: «Россия счастье. Россия свет. / А, может быть, России вовсе нет. // И над Невой закат не догорал, / И Пушкин на снегу не умирал, // И нет ни Петербурга, ни Кремля – / Одни снега, снега, поля, поля...» [1, т. I, с. 299]. Освоение образа А.С. Пушкина с 1930-х годов связано с темой смерти, гибели России и культуры: «Закаты, тысячи закатов. Над Россией, над Америкой, над будущим, над погибшими веками. Раненый Пушкин упирается локтём в снег и в его лицо хлещет красный закат», – читаем в «Распаде атома» [1, т. II, с. 27].

Последняя книга Г.В. Иванова «Посмертный дневник» (1958) начинается пушкинской темой: «Александр Сергеевич, я о вас скучаю. / С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю. / Вы бы говорили, я б, развесив уши, / Слушал бы да слушал» [1, т. I, с. 553]. Выбор ирреальной модальности и непосредственного обращения к адресату по имени с отчеством придают стихотворению особую интимность, акцентируя несбыточную мечту лирического героя о встрече и диалоге с А.С. Пушкиным и совместном чаепитии. Чай является «одной из наиболее главных мифологем русского мышления» [3, с. 82]. В романе «Евгений Онегин» чаепитие может быть

«сентиментальной деталью», создавать «иронический эффект», выступать «лирической параллелью» [3, с. 83]: «Разлитый Ольгиной рукою, / По чашкам тёмною струёю / Уже душистый чай бежал» [5, т. V, с. 64]. Чай и чаепитие в русской культуре «обладает богатой символикой: это, прежде всего, «совместное питьё», «единение», «идеальная родина» [3, с. 82]. О таком чаепитии как идиллическом образе жизни мечтает лирический герой раннего стихотворения Г.В. Иванова «В широких окнах сельский вид...»: «Легки основы бытия... / Так, не томясь и не скучая, / Всю жизнь свою провёл бы я / За Пушкиным и чашкой чая» [1, т. I, с. 107].

Стихотворения Г.В. Иванова становятся прецедентным текстом для известного стихотворения Б.Ш. Окуджавы 1964-го года. Такой вывод опирается на одинаковое введение образа А.С. Пушкина (через имя и отчество), хотя Б.Ш. Окуджава использует разговорный, а Г.В. Иванов – литературный вариант, гастрономическую символику, мотив сожаления-мечты о встрече: «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем, / у каждой эпохи свои подрастают леса... / А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем / поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа» [4, с. 284]. При всей близости образной системы стихотворения принципиально различны на эмотивно-символическом уровне. Б.Ш. Окуджава в 1964 г. ещё полон иллюзий «оттепели». Поэтому финал его текста мажорен: «Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу / и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот / извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается... / Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт» [4, с. 284]. Г.В. Иванов в последний год жизни и творчества уже смирился с абсолютной утратой надежд и иллюзий: «Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?» [1, т. II, с. 32]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «Посмертный дневник» начинается с осознания объективного безысходного трагизма бытия, в который вовлечены и лирический герой, и лирический адресат через схожесть эмоционального состояния и обстоятельств смерти: «Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже. / Александр Сергеевич, вам

пришлось ведь тоже / Захлебнуться горем, злиться, презирать, / Вам пришлось ведь тоже трудно умирать» [1, т. I, с. 553].

Итак, образ А.С. Пушкина осваивается Г.В. Ивановым на протяжении всего творческого пути – от начала сотрудничества с акмеистами и журналом «Гиперборей» в 1912 году до последнего года и последней книги «Посмертный дневник» (1958). Он непосредственно связан с появлением и развитием темы истории и культуры в творчестве младоакмеиста. Динамика пушкинского образа обусловлена изменением мировосприятия поэта в связи с революцией, гибелью друзей и эмиграцией, в связи с трансформацией младоакмеиста в поэта «парижской ноты». Поэтому в первом стихотворении появляется отрок в контексте исторической славы, в следующих усиливаются драматические ноты конфликта с властью и обречённости творца. Последние тексты включают тему смерти и утраченных иллюзий. Подобное нарастание трагизма в осмыслении самого светлого образа русской культуры связано с настойчивым предупреждением: «Обрести право опять называть Пушкина «нашим всем», подняться до него – дело долгое и трудное, которое ещё очень не скоро удастся России» [1, т. III, с. 191].

Список литературы

1. Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3-х т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. Стихотворения. М., 1993. 656 с. Т. 2 Проза. М., 1993. 480 с. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. М., 1993. 720 с.
2. Иванов Г.В. 26 августа 1912 г. // Гиперборей. 1912. № 2. С. 14-15.
3. Kubyshina N. Роль бытовых описаний в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (литературный анализ в процессе преподавания литературы в университете) // Mundo Eslavo. 2011. № 10. P. 73-90.
4. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с. (Новая библиотека поэта).
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 1. Стихотворения, 1813-1820. 1977. 479 с. Т. 3. Стихотворения, 1827-1836. 1977. 495 с. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с. Т. 10. Письма. 1979. 711 с.

Н.А. Макаричева
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: 812nataly@mail.ru

**Женские характеры в романе «Подросток» и в повести «Кроткая»
Ф.М. Достоевского**

Аннотация: Сопоставление романа «Подросток» и повести «Кроткая» позволяет выявить общее в типологии женских характеров, а также провести параллели между мужскими образами – Версилова и Закладчика. Сравнение произведений помогает, с одной стороны, выявить истоки женского характера в повести «Кроткая», с другой, – подчеркнуть гендерологическую уникальность повести, в которой появляется мотив влюбленности женщины в собственного мужа, а основой сюжета становится история трагических взаимоотношений мужа и жены.

Ключевые слова: Женские образы, гендерология, исповедальность, внутренний монолог.

N.A. Makaricheva
candidate of philology, associate professor
St. Petersburg State University of Economics
(St. Petersburg, Russia)
E-mail: 812nataly@mail.ru

**Female characters in the novel "The Adolescent" and in the story
"The Gentle Creature" by F.M. Dostoyevsky**

Summary: Comparison of the novel "The Adolescent" and the novelet "A Gentle Creature" in genderological aspect allows to reveal the common in typology of female characters and also to draw parallels between men's images - Versilov and the Pawnbroker. Comparison of works helps to reveal, on the one hand, sources of female character in the story "A Gentle Creature", on the other - to emphasize genderological uniqueness of the story in which there is a motive of love of the woman for her own husband whereas the basis the plot there becomes a history of tragic relationship between a husband and a wife.

Key words: Female images, gender studies, confessional nature, internal monologue.

В творческой биографии Достоевского роман «Подросток» и повесть «Кроткая» разделяет примерно год (1875 – 1876). Это не могло не сказаться сразу по нескольким параметрам, и прежде всего – в обобщенном смысле самих названий. Героиня «фантастического рассказа» у Достоевского такая же *кроткая*, как и Аркадий Долгорукий – *подросток*. «Кротость» героини не раз в науке дезавуировали с разных позиций. В этой связи Т.А. Касаткина отмечала: «Последнее время «фантастический рассказ» Достоевского все чаще анализируется с позиций психологии. Задается вопрос: «Кротка ли Кроткая»? – и, разумеется, триумфально доказывается, что вовсе нет» [3, с. 412]. Тему несогласующейся с названием повести противоречивости позиции у ее героини ставила в центр внимания О.Ю. Юрьева в ряде статей [4,5].

Еще один параметр для сопоставления «Кроткой» и «Подростка» связан с типологией женских характеров. На первый взгляд, вполне *кроткими* героинями представлены в романе мать и сестра Аркадия – Софья Андреевна и Лиза. Между тем, их готовность на смиренную жертвенность ради Версилова и Сергея Сокольского существенно отличается от того, что демонстрирует героиня повести. Они не способны *бунтовать* и тем более не дойдут до суицида. Таким образом, эти две героини по-своему в большей мере, чем сама *Кроткая*, подходят под заглавное обозначение повести. А между тем, в романе мы все-таки находим более явных предшественниц героини «Кроткой» из числа второстепенных женских персонажей.

Первая из них – молодая княжна Лидия Ахмакова: «Это была болезненная девушка, *лет семнадцати*, страдавшая расстройством груди и, говорят, чрезвычайной красоты, а вместе с тем и *фантастичности*» [2] [т. 13, с. 56]. Здесь примечательна близость к Кроткой и по возрасту, и по непредсказуемости поступков («фантастичность»). Возможна параллель с будущей «Кроткой» и в таких нюансах: «Версилов не только сам желал, но даже и настаивал на браке с девушкой и что соглашение этих двух неоднородных существ, старого с малым, было обоюдное» [т. 13, с. 57]. В повести, как мы знаем, инициатива на заключение брачного союза также шла

от мужчины, и соглашение «неоднородных существ, старого с малым» было поначалу вполне обоюдным. Наконец, более чем очевидна переключка трагических итогов в романе и в «Кроткой»: «...выставлялась очевидная подлость Версилова, ложь и интрига, что-то черное и гадкое, тем более что кончилось действительно трагически: бедная воспламененная девушка отравилась, говорят, фосфорными спичками» [т. 13, с. 57]. В повести героиня также решается на самоубийство вследствие того, что *обманулась* в мужчине.

Вторая предшественница Кроткой в романе еще более ей близка, параллели просматриваются по разным свойствам характера и сюжетным обстоятельствам, и еще более по финальному самоубийству. Это юная девушка Оля, о которой мать после смерти дочери рассказывает: «Она не плачет, гордая такая сидит, негодует. И всё-то она у меня такая была, во всю жизнь, даже маленькая, никогда-то не охала, никогда-то не плакала, а сидит, грозно смотрит, даже мне жутко смотреть на нее» [т. 13, с. 143]. Они с матерью бедствуют и даже голодают в чужом для них Петербурге и так же, как Кроткая, вынуждены продавать вещи: «Снесли мы куцавейку, на заячьем меху была, продали» [т. 13, с. 143].

Еще более показательная параллель в бесплодных попытках обеих героинь (в романе и в повести) найти место через объявления в газетах: «...пошла она в газету и вот тут-то публиковалась: приготавливает, дескать, изо всех наук и из арифметики: „Хоть по тридцати копеек, говорит, будут платить“. И стала я на нее <...> под самый конец даже ужасаться: ничего-то она не говорит со мной, сидит по целым часам у окна, смотрит на крышу дома напротив да вдруг крикнет: „Хоть бы белье стирать, хоть бы землю копать!“» [т. 13, с. 143]. Наконец, на объявление Оли откликнулся Версиров, который предложил бедствующим Оле и ее матери помощь деньгами, а также взялся поспособствовать в поиске работы. Своим поведением при визите он может напоминать «Закладчика» из повести и даже сходным образом разъясняет девушке ее оплошности в публикации: «Пуще всего обеих нас привлекло тогда, что был у него такой *серьезный вид, строгий даже, говорит*

тихо, обстоятельно и всё так вежливо, – куды вежливо, почтительно даже, – а меж тем никакого такого исканья в нем не видно: прямо видно, что пришел человек от чистого сердца. „Я, говорит, *ваше объявление в газете прочел, вы, говорит, не так, сударыня, его написали*, так что даже повредить себе тем самым можете”» [т. 13, с. 145]. В «Кроткой» Закладчик (так он сам себя неоднократно именуется), в свою очередь, рассказывает: «Она тогда из последних сил публиковалась, сначала, разумеется, заносчиво: «Дескать, гувернантка, согласна в отъезд, и условия присылать в пакетах», а потом: «Согласна на всё, и учить, и в компаньонки, и за хозяйством смотреть, и за больной ходить, и шить умею», и т. д., и т. д., всё известное! Разумеется, всё это прибавлялось к публикации в разные приемы, а под конец, когда к отчаянию подошло, так даже и «без жалованья, из хлеба». Нет, не нашла места! Я решился ее тогда в последний раз испытать: вдруг беру сегодняшней «Голос» и показываю ей объявление: «Молодая особа, круглая сирота, ищет места гувернантки к малолетним детям, преимущественно у пожилого вдовца. Может облегчить в хозяйстве».

– Вот, видите, эта сегодня утром публиковалась, а к вечеру наверно место нашла. Вот как надо публиковаться!» [т. 24, с. 8].

В «Подростке» визит Версилова и его помощь не остались без внимания соседа, подлого интригана Стебелькова, который тут же оговорил перед женщинами Версилова. Гордость в сочетании с мнительностью, явно присущие характеру Оли, заставили ее поверить навету, разыскать Версилова, вернуть деньги и прилюдно обвинить его: «...вырезает газетные объявления, где на последние деньги публикуются гувернантки и учительницы, и ходит по этим несчастным, отыскивая бесчестной поживы и втягивая их в беду деньгами. <...> Вы негодяй, милостивый государь!» [т. 13, с. 131]. Измученная переживаниями, следующей же ночью она повесилась.

По итогам трагедии Версилов сожалеет: «*Нетерпелива немного она, теперешняя молодежь*, кроме, разумеется, и малого понимания действительности... <...> Упрекаю себя тоже в одном смешном

обстоятельстве, <...> кажется, я, по скверному моему обычаю, позволил себе тогда с нею некоторого рода веселость, легкомысленный смешок этот – одним словом, был недостаточно резок, сух и мрачен, три качества, которые, кажется, также в чрезвычайной цене у современного молодого поколения... Одним словом, дал ей повод принять меня за странствующего селадона» [т. 13, с. 149]. Всё это вновь напоминает опыт героя повести. Во–первых, Закладчик многократно декларирует *нетерпеливость* молодежи. Во–вторых, памятен его личный девиз: «Строгость, строгость и строгость» и дополнение к нему: «Строгость у меня – это сухость» [т. 24, с. 7].

Еще одна возможная – и, быть может, немаловажная – параллель состоит в поздних сожалениях персонажей–мужчин после гибели женщин о трагически упущенном времени. У Версилова это выражается так: «Всего больше жалею, <...> что не успел устроить всё это вчера же вечером, и – наверно не вышло бы тогда этого страшного дела! Да и время было: восьми часов еще не было» [т. 13, с. 148]. Позднее в «Кроткой» упущенное время кардинально сокращается. Финальная подглавка так и названа – «Всего только пять минут опоздал» [т. 24, с. 33]. Разумеется, в обоих случаях, и особенно в повести, автором подразумевается, что дело не во времени.

В связи с сюжетной судьбой несчастной Оли обратим внимание на еще один значимый нюанс. Она оставила прощальную записку: «Маменька, милая, простите меня за то, что я *прекратила мой жизненный дебют*. Огорчавшая вас Оля» [т. 13, с. 149]. Выделенное нами курсивом выражение становится предметом обсуждения для Аркадия и Версилова. Аркадий считает фразу примером «странного юмора», но Версиров не соглашается с ним:

– Тут ровно никакого и нет юмора, <...> выражение, конечно, неподходящее, совсем не того тона, <...> но покойница употребляла его в этой ужасной записке совершенно простодушно и серьезно» [т. 13, 149-150].

Когда уже закончилась публикация романа (декабрь 1875), общественность была взволнована самоубийством в Италии Лизы Герцен,

дочери тогда уже покойного публициста и писателя. В том случае также фигурировала предсмертная записка, содержащая, казалось бы, стилистически неуместные выражения: *«Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство <...> удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедаясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землю. Очень даже не шикарно выйдет»* [т. 23, с.145]. Вскоре вслед за этим в Петербурге покончила с собой русская швея М. Борисова. Оба трагических случая легли в основу статьи Достоевского «Два самоубийства» [т. 23, с. 144-146]. Они, в своем контрастном психологическом противостоянии, и послужили для писателя стимулом к созданию «Кроткой». С одной стороны – записка Лизы Герцен с легкомысленными до цинизма выражениями, с другой – образ Богородицы, прижатый к груди самоубийцы. Как отмечалось комментаторами повести, именно второй случай в наибольшей степени повлиял на замысел «Кроткой». Однако заслуживает внимания и стилевая параллель между записками Оли в «Подростке» и дочери Герцена.

Между тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не соответствует действительности. Достоевский узнал об обстоятельствах смерти Лизы Герцен в июне 1876 г. из письма к нему К.П. Победоносцева и по этому же источнику цитирует записку самоубийцы в своей статье. Для обоих консервативно настроенных корреспондентов и сам факт самоубийства, и содержание записки представлялись показательными. Они делились впечатлениями: вот к чему приводит «отрыв от родной почвы» и извращенное воспитание в свете радикальных идей. Однако Победоносцев узнал обстоятельства самоубийства уже как минимум из третьих рук. Первым откликнулся на события (ориентируясь на французские газетные известия) И.С. Тургенев в письме из Парижа к П.В. Анненкову, неполностью цитируя в собственном переводе с французского и пресловутую «нехорошую записку» (выражение Тургенева). Однако, как показали недавние изыскания [4], выражения Лизы Герцен из ее записки в переводе Тургенева *искажены*. В

более точном переводе нет и следа легкомыслия и тем более цинизма. Тем более не дошел до Достоевского и основной мотив самоубийства – безответная любовь 17-летней девушки к 44-летнему женатому мужчине. Приходится сожалеть, что эта сильнейшая гендерологическая подоплека трагического события осталась Достоевскому неизвестна. Но подоплека эта объективно сближает участь Лизы Герцен с сюжетными судьбами, с одной стороны, Лидии Ахмаковой (несчастливая влюбленность в Версилова), а с другой – Кроткой героини повести. Показательны во всех трех случаях возрастные совпадения. Но еще важнее, что в последнем случае («Кроткая»), как ни парадоксально, уже зарождавшаяся любовь женщины к *женатому на ней же мужчине* – так и остается безответной. В воспроизведении возможности такой трагедии мы видим очередное гендерологическое открытие писателя.

Еще один параметр при сопоставлении романа «Подросток» и повести «Кроткая» дает рассмотрение жанра этих произведений. Лишь на первый взгляд они в этом отношении сходны: повествование в обоих случаях ведется от первого лица. Но от природы «исповедальности» роман и повесть художественно расходятся как бы по разным полюсам. В «Подростке» исповедь Аркадия разворачивается на сотни страниц и структурируется по частям, главам и подглавкам. Для исповедального жанра это слишком масштабно и в известном смысле *фантастично*. В «Кроткой», напротив, исповедь лаконизируется до нескольких часов, чтобы «собрать свои мысли в точку» [т. 24, с. 5]. Как уже сказано, сам автор прямо декларирует *фантастичность* жанра. Но стоило бы уяснить его особую природу в литературоведческом аспекте.

На наш взгляд, в этом отношении убедительны суждения В.Д.Днепровы: «Художник ясно сознает новаторскую природу своего творения. Фантастическое, по его словам, «именно в самой форме рассказа». На самом деле, что он такое? «Это не рассказ и не записки», – замечает писатель. Ни одно известное определение не годится. Конечно, не

повествование – повествование рядом с мертвым телом? Но и *не исповедь*, – герой вначале и не знает, в чем именно будет исповедоваться. Открыто единственное решение: «...он и говорит сам с собой, рассказывает дело, *уясняет* (курсив автора – Н.М.) себе его». А мы, пребывая внутри его сознания, слышим внутренний монолог, не предназначенный ни для чьих ушей, слышим беззвучные стоны и вскрики героя. Достоевский вплотную подошел к мысли, для его времени поразительной – *стенограмма сознания!* <...> Достоевский, сознавая это, пришел к «*внутреннему монологу*» как *особому виду художественного психологизма*» [1, с. 164]. И далее, подытоживая опыт Достоевского и Толстого (имея в виду «Анну Каренину»), исследователь заключал: «Толстой и Достоевский сделали решающие шаги к открытию *внутреннего монолога, потока сознания*, раздвинув тем самым возможности реалистического романа» [5, с. 165].

В «Кроткой» самым существенным в свете нашей темы можно считать повышенную концентрацию гендерологических мотивов в камерных условиях семейных отношений. Как и почему у героев всё не складывалось и дошло до трагедии, при, казалось бы, обоюдной доброй воле к супружескому благополучию – вот что автор заставляет уяснять своего героя–закладчика. В «Кроткой» Достоевский фактически впервые для себя ставит и решает сложнейшую задачу – психологически достоверно развернуть своеобразную «анатомию взаимоотношений» мужчины и женщины: с момента знакомства – через семейные коллизии – вплоть до трагической развязки.

Список литературы

1. Днепров В.Д. Идеи, страсти, поступки: Из художественного опыта Достоевского. Л., 1978. 382 с.
2. Достоевский Ф.М. ПСС в 30 т. Л., 1972. 1990 с.
3. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015. 528 с.

4. Лиза Герцен / Статья, публ. и пер. с фр. И.А. Желваковой // Литературное наследство. Том 99: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 2. ИМЛИ РАН. М., 1997. С. 544-555.
5. Юрьева О.Ю. Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. Вып. 21. СПб., 2006. С. 91-102.
6. Юрьева О.Ю. Мужской ум и женское недоумие в мире Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М., Иркутск, 2006. Вып. 13. С. 99-114.

УДК 82:81'337.23

Е.О. Филинкова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
(г. Чита, Россия)
E-mail: lefl1@rambler.ru

Антропонимы романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы»

Аннотация: В статье рассматриваются антропонимы и особенности их использования в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы», представляющем особый тип повествования – повествование в сказовой форме от лица персонажа, с воспроизведением особенностей его речи. В статье выявляются группы антропонимов, с точки зрения восприятия их персонажами, рассматривается роль антропонимов в художественном пространстве романа – в речи-монологе рассказчицы, в раскрытии содержания произведения и некоторых его скрытых смыслов.

Ключевые слова: Антропонимы, И.С. Шмелёв, «Няня из Москвы», повествование, образ рассказчика, монолог, сказ.

Elena OI. Filinkova,
Candidate of Philology, associate professor,
Transbaikal state university,
(Chita, Russia)
E-mail: lefl1@rambler.ru

The anthroponyms of the novel of I. S. Shmelev “The nanny from Moscow”

Summary: The article deals with anthroponyms and features of their use in I. S. Shmelev's novel "the nanny from Moscow", which represents a special type of narrative – narrative in a fantastic form on behalf of the character, with the reproduction of the features of his speech. The article identifies groups of

anthroponyms from the point of view of their perception by the characters, examines the role of anthroponyms in the artistic space of the novel – in the speech-monologue of the narrator, in the disclosure of the content of the work and some of its hidden meanings.

Key words: The anthroponyms, I. S. Shmelev, «The nanny from Moscow», the narrative, the image of the narrator, a monologue, a tale.

Роман И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» был написан в 1932 – 1933 годах, опубликован в 1936 году. Роман посвящён эмигрантской теме, весьма актуальной в то время для самого И.С. Шмелёва и для представителей русской эмиграции первой волны. Сюжет произведения – жизнь обычной московской интеллигентской семьи в трудные для России времена революции и Гражданской войны, а также бегство из России и скитания за границей в поисках своего места и своей судьбы.

Одной из характерных, важнейших особенностей этого романа является сказовая форма – такой тип повествования, который использует «передачу устной, обычно социально характерной речи рассказчика» [1, с. 45]. Таким рассказчиком выступает няня семьи Вышгородских Дарья Степановна Сеницына, няня из Москвы, прошедшая весь трудный эмигрантский путь вместе со своей воспитанницей Катичкой. По сути дела, весь роман – это устный монолог Дарьи Степановны, авторского текста в нём нет совсем, к слушателю этот монолог обращён лишь формально, реплики собеседника в нём опускаются: *...А вот и нашла, добрые люди указали, записочка ваша довела. Да хорошо-то как у вас, барыня, – и тихо, и привольно, будто опять у себя в Москве живете. Ну, как не помнить, с Катичкой еще все к вам ходили, играть ее приводила к Ниночке. Покорно благодарю, что уж вам беспокоиться, я попиши чайку поехала. И самоварчик у вас, смотреть приятно* [Текст цит. по: 3].

Указанный тип повествования определяет использование в романе всех языковых средств – прежде всего средств устной народной речи, но также и любых других. В этой связи интерес представляют антропонимы и

особенности их использования в романе, в речи рассказчицы. Нами уже были рассмотрены топонимы в данном тексте [2, с. 96], не менее важными для раскрытия содержания романа представляются антропонимы.

Всего в тексте использовано чуть больше 80 антропонимов (с учётом разных вариантов одного имени), все они различаются по своим особенностям, по отношению к ним рассказчицы, по количеству случаев использования.

Прежде всего, обращает на себя внимание имя *Катичка* – по количеству его использования. Это воспитанница няни, поэтому естественно частое его упоминание – 221 раз, причём именно в такой уменьшительно-ласкательной форме, хотя встречаются ещё варианты *Катя*, *Катюньчик*, *Катерина*, *Катерина Константиновна*. Выбор имени и его варианты становятся средством характеристики персонажей и отношений между ними. Самой героине не нравится это простое, обычное имя: *А не нравилось ей, что Катериной ее назвали*. Мать, экзальтированная барыня, хотела дать имя Муза, но назвали Катериной ради богатой тётки, надеясь на наследство. В результате, пусть и случайно, но у этой героини романа типично русское имя, причём не упоминаемое ни в какой другой форме, например, на иностранный манер, что вполне могло быть во время жизни за границей. В устах няни героиня почти всегда *Катичка*, мать называет несколько вычурно *Катюньчик*, посторонние люди *Катерина Константиновна*. Часто употребление вариантов имени подчёркивает значимость ситуации: *Он и говорит: «Что вы, Катерина Константиновна, скажете... я прошу у вас руки?...» А то Катичкой даже звал, а она его и Васькой величала, – раньше, правда, это бывало*.

Также часто используется в тексте имя *Васенька* (67 раз) и другие варианты имени этого персонажа: *Василий Никандрыч*, *полковник Ковров*, *Василёк*. *Васенька* – жених Катички, их отношения в рассказе няни – это основная линия развития сюжета, поэтому его имя такое же значимое и употребляемое также в уменьшительно-ласкательной форме. Эти два

человека становятся основой, отправной точкой её жизни, она и себя определяет по отношению к ним: *Я, – говорю, – Катичкина няня, и Васеньку вот какого еще знала.* Здесь, помимо прочего, обращает на себя внимание сочетание этих типично русских, обычных для русского обихода имён, которые часто используются рядом, влияя на развитие сюжета повествования.

Кроме того, в тексте часто используются имена других членов семьи Вышгородских: *Константин Аркадьевич* (няня произносит *Констинтин*), *Костик*, *Костинька* (так называет его жена), *Глафира Алексеевна*, *Глафирочка*, *Глирочка*, *Аполит Алексеевич*. За разными вариантами имён также прочитываются отношения между членами семьи. Характерно, что иногда няня называет отца Катички без имени – *барин*, это также значимо. В таких случаях она как бы подчёркивает перед собеседницей его роль хозяина и своё положение прислуги, как бы смотрит на него снизу вверх: *Да в Ласковое вы приезжали перед войной к нам, два денька гостили, еще барин верхом с вами ускакал, и до ночи вы катались, а барыня серча-ла!..; Заболею я, барин мне и градусник сам поставит, и компрес, и чайку с лимончиком принесёт. И барыня, ночью даже вставала, так жалела.*

Также рассказчица называет и своё имя: *Значит, Дарья Степановна, Синицына по фамилии, я-то; Я, говорю, Дарья Степановна, Синицына, из Москвы... к вашей милости...* Однако чаще всего она называет себя няней (то же и в устах других героев), это определяет все отношения в романе, даёт важную характеристику главной героине.

Кроме имён членов семьи в повествовании используются и другие разнообразные имена: *Яков Матвейч*, *Авдотья Васильевна Головова*, *Марфа Петровна*, *Варвара Никитишна*, *Бузаков*, *Амельян*, *Ниночка*, *Треночка*, *Агашка* и другие. Такие имена употребляются реже, только в связи с отдельными эпизодами рассказа няни, очерчивают своеобразный «второй круг» людей вокруг неё, который густо населён, причём все персонажи тесно связаны, переплетены между собой, даже те, кто в рассказе няни не получает собственных имён: *А будтошник у нас заслуженный был, кресты-медали,*

крестнику моему дядей доводился. Однако употребление имён показывает, что их носители также важны для неё, занимают определённое место в системе человеческих отношений, иногда это место как бы подчёркивается дополнительной краткой характеристикой: *Яков Матвееч, садовник; товарища Якубенку; Осман-татарин; Миша с соседней дачи; Фёдор-лихач.*

Далее, в устах Дарьи Степановны многократное употребление имён основных персонажей её повествования и многообразие вариантов таких имён как бы противопоставляются употреблению имён чужих для неё и неприятных людей: они встречаются редко или вообще однократно и часто в искажённой форме. Например: *Фамилию-то забыла, барыня. Не Махтуров, а... вроде как заграничная; Только его Курапетом звать, имя какое-то такое...; А по фамилии Галочкина. А и то, пожалуй, спутала... Га-лицкая; Нет, фамилию не упомяну, какая-то мудреная... Мен-дриков, что ли? и еще как-то... Кандрихов? Две у него фамилии будто. Все бухвостил.* Таким образом, употребление имён в тексте помогает создать мир героини, очертить границы «её круга», показать её отношение к людям и событиям.

Ещё одна важная функция имён в романе «Няня из Москвы» выявляется из сопоставления русских (точнее российских) антропонимов и иноязычных, которые ожидаемо должны встретиться в рассказе о жизни за границей. Российских антропонимов в тексте много, подавляющее большинство, так же, как и топонимов [См.: 2, с. 97]. Только Россия и всё, что с ней связано, – это мир главной героини, поэтому в её рассказе важны все детали российской жизни, и все люди, её населяющие, приобретают важное значение. Характерна в этом отношении встреча в Америке с персонажем из России: *Абраша, спасибо еще, попался, с нашей стороны, жид-еврей, Тульской губернии...* Его принадлежность к России, знание русского языка, при всех прочих различиях, много говорит в его пользу для няни, помогают ей сблизиться с его семьёй: *И папаша его, с кем вот ехала я оттуда, Соломон Григорьич, хороший такой мужчина, уж старичок... наши тоже, тульской,*

портной из Тулы военный, тоже сбежал от ихних порядков, не мог привыкнуть.

Персонажам из России и их именам противопоставлены имена иностранцев, с которыми няня и её воспитанница Катичка встречаются за границей. Таких имён в тексте очень мало, хотя иностранные персонажи, конечно, есть. Имена некоторых иностранцев, большей частью неприятных для неё, рассказчица искажает, воспринимает по-своему: *Какой с ней бумагу подписал, в Париже еще было, на полгода порядил, – Слон по фамилии... – верно, барыня, такая его фамилия Слон, и Катичка смеялась, и похож на слона – носатый, толстый...; Абраша и говорит: «захочет Шалаш... – фамилие его такая – Салаш-Шалаш...? – от Слона только перья полетят».* Однако у большинства иностранцев рассказчица просто не называет имён, она говорит: *А хозяин грек был. Вот и говорит ей грек...; И турка наш говорил ей...; И приходит вскорости в ресторан важный такой старик, с золотой набалдашиной, англичанин, вроде как граф.* Названные таким образом персонажи важны для повествования, для судьбы главных героинь, однако в рассказе няни они имён не получают, это подчёркивает, что для героинь они чужие и как бы временные люди. Одного особо неприятного персонажа, хотя и значимого для Катичкиной и её судьбы, рассказчица вообще избегает как-то называть, хотя бы описательно: *Да вы сразу-то не поймете, идол тот замешался. Идол-то... Да он, может, и ничего, а вроде как шатущий, лизун.* Няня говорит о нём только *он*, иногда *человек*, но имени или хотя бы отдельного наименования он у неё не получает. А вот хороший человек, даже иностранец, с точки зрения рассказчицы, заслуживает имени собственного. Таков в романе Гарт: *А генерал... да, вспомнила, – Гарт фамилия, – ему скоро в дальнее место ехать. Говорю ей: не присваивается... хороший человек словно?*

В целом, становится очевидно, что рассказчица небезразлично относится к именам собственным людей. Помимо личных оценок, такое её отношение к антропонимам обусловлено и христианским мировосприятием,

для которого имя – важный атрибут человека: используя имя, за человека можно молиться, помянуть его. В этой связи характерны такие высказывания няни: *Сколько я того татарина поминала, всегда за него молюсь. Просвирку, понятно, не вынешь за него, святого имя такого нет, Осман-то, – больше собак так кличут, – а за его здоровье, если жив, ем – поминаю; Молюсь за него, имя только его не знаю, да Господь уж знает: «О здравии морского генерала, пошли ему, Господи, здоровья, в делах успеха!»*. Поэтому становится понятен отказ рассказчицы называть некоторых персонажей по именам или припоминать их имена.

Таким образом, антропонимы, используемые в роман «Няня из Москвы», составляют вокруг рассказчицы три круга: ближний, средний и дальний. Их можно описать с учётом количества, случаев употребления и особенностей употребления. Имена из ближнего круга многочисленны, разнообразны по форме, часто повторяются. Они называют близких для няни людей, приятных или воспринимаемых ею как «свои». Имена среднего круга также многочисленны, однако каждое из них употребляется значительно реже, могут быть в форме, показывающей неодобрительное отношение рассказчицы к называемым так персонажам. Имена дальнего круга единичны в тексте, чаще заменяются общими наименованиями, т.е. персонажи в устах рассказчицы имён не получают, что показывает не только её неодобрительное отношение к ним, но и раскрывает систему ценностей главной героини, отражающих и точку зрения автора.

Список литературы

1. Николина Н.А. Сказовая форма в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» // Русский язык в школе. 2013. № 10. С. 45-49.
2. Филинкова Е.О. Топонимикон романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы X-й Международной науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 96 -98.
3. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2010. Т. 3. 488 с.

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

ДВЕНАДЦАТЬ ПРИЕМОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ ИЛИ ПОСОБИЕ ПО ГАЗЕТНЫМ ДИСКУССИЯМ

Карел Чапек

Опубликовано на сайте: Око Планеты // <https://oko-planet.su/politik/politiklist/208394-zabytaya-klassika-karel-chapek-dvenadcat-priemov-literaturnoy-polemiki-ili-posobie-po-gazetnym-diskussiyam.html>

Вступление автора

Это краткое руководство рассчитано не на участников полемики, а на читателей, чтобы они могли хотя бы приблизительно ориентироваться в приёмах полемической борьбы. Я говорю о приёмах, но никак не о правилах, потому что в газетной полемике в отличие от всех других видов борьбы – поединков, дуэлей, драк, побоищ, схваток, матчей, турниров и вообще состязаний в мужской силе, нет никаких правил - по крайней мере у нас. В классической борьбе, например, не допускается, чтобы противники ругались во время состязания. В боксе нельзя нанести удар по воздуху, а потом заявить, что противник нокаутирован. При штыковой атаке не принято, чтобы солдаты обеих сторон клеветали друг над друга – это делают за них журналисты в тылу.

Но все это и даже гораздо большее – совершенно нормальные явления в словесной полемике, и трудно было бы отыскать что-либо такое, что знаток журнальных споров признал бы недозволенным приёмом, неведением боя, грубой игрой, обманом или неблагородной уловкой. Поэтому нет никакой возможности перечислить и описать все приёмы полемической борьбы; двенадцать приёмов, которые я приведу, – это лишь наиболее распространённые, встречающиеся в каждом, даже самом непритязательном сражении в печати. Желаящие могут дополнить их дюжиной других.

1. *Despicere* (смотреть свысока – лат.), или приём первый. Состоит в том, что участник диспута должен дать почувствовать противнику своё интеллектуальное и моральное превосходство, иными словами, дать понять, что противник - человек ограниченный, слабоумный, графоман, болтун, совершенный нуль, дутая величина, эпигон, безграмотный мошенник, лапоть, плевел, подонок и вообще субъект, недостойный того, чтобы с ним разговаривали. Такая априорная посылка даёт вам затем право на тот барский, высокомерно-поучающий и самоуверенный тон, который неотделим от понятия "дискуссия". Полемизировать, осуждать кого-то, не соглашаться и сохранять при этом известное уважение к противнику - все это не входит в национальные традиции.

2. Приём второй, или *Termini* (терминология – лат.). Этот приём заключается в использовании специальных полемических оборотов. Если вы, например, напишете, что господин Икс, по вашему мнению, в чем-то неправ, то господин Икс ответит, что вы "вероломно обрушились на него". Если вы считаете, что, к сожалению, в чем-то не хватает логики, то ваш противник напишет, что вы "рыдаете" над этим или "проливаете слезы". Аналогично этому говорят "брызжет слюной" вместо "протестует", "клеветает", вместо "отмечает", "обливает грязью" вместо "критикует", и так далее. Будь вы даже человек на редкость тихий и безобидный, словно ягнёнок, с помощью подобных выражений вы будете наглядно обрисованы как субъект раздражительный, сумасбродный, безответственный и отчасти ненормальный. Это, кстати, само собой объяснит, почему ваш уважаемый противник обрушивается на вас с такой горячностью: он просто защищается от ваших вероломных нападок, ругани и брани.

3. Приём третий известен под названием *Caput canis* (здесь: приписывать дурные качества – лат.). Состоит в искусстве употреблять лишь такие выражения, которые могут создать об избиваемом противнике только отрицательное мнение. Если вы осмотрительны, вас можно назвать трусливым; вы остроумны – скажут, что вы претендуете на остроумие; вы

склонны к простым и конкретным доводам – можно объявить, что вы посредственны и тривиальны; у вас склонность к абстрактным аргументам – вас выгодно представить заумным схоластом, и так далее. Для ловкого полемиста попросту не существует свойств, точек зрения и душевных состояний, на которые нельзя было бы наклеить ярлык, одним своим названием разоблачающий поразительную пустоту, тупость и ничтожество гонимого противника.

4. Non habet (здесь: констатировать отсутствие – лат.), или приём четвёртый. Если вы серьёзный учёный, над вами легко одержать победу с помощью третьего приёма, заявив, что вы тугодум, болтливый моралист, абстрактный теоретик или что-нибудь в этом роде. Но вас можно уничтожить и прибегнув к приёму Non habet. Можно сказать, что вам не хватает тонкого остроумия, непосредственности чувств и интуитивной фантазии. Если же вы окажетесь именно непосредственным человеком, обладающим тонкой интуицией, вас можно сразить утверждением, что вам недостаёт твёрдых принципов, глубины убеждений и вообще моральной ответственности. Если вы рассудочны, то вы ни на что не годитесь, так как лишены глубоких чувств, если вы обладаете ими, то вы просто тряпка, потому что вам не хватает более высоких рациональных принципов. Ваши подлинные свойства не имеют значения – нужно найти, чего вам не дано, и втоптать вас в грязь, отправляясь от этого.

5. Пятый прием называется Negare (здесь: отрицать наличие – лат.) Состоит в простом отрицании всего вашего, всего, что вам присуще. Если вы, к примеру, учёный муж, то можно игнорировать этот факт и сказать, что вы поверхностный болтун, пустозвон и дилетант. Если вы в течение десяти лет упорно твердили, что (допустим), верите в чёртову бабушку или Эдисона, то на одиннадцатом году о вас можно заявить в полемике, что никогда ещё вы не поднимались до позитивной веры в существование чёртовой бабушки или Томаса Альвы Эдисона. И это сойдет, потому что непосвящённый читатель

ничего о вас не знает, а посвящённый испытывает чувство злорадства от сознания, что у вас отрицают очевидное.

6. *Imago* (здесь: подмена – лат.) – шестой приём. Заключается в том, что читателю подсовывается некое невообразимое чучело, не имеющее ничего общего с действительным противником, после чего этот вымышленный противник изничтожается. Например, опровергаются мысли, которые противнику никогда и не приходили в голову и которых он, естественно, никогда не высказывал; ему показывают, что он болван и глубоко заблуждается, приводя в примеры действительно глупые и ошибочные тезисы, которые, однако, не принадлежат ему.

7. *Pugna* (избиение – лат.) – приём, родственный предыдущему. Он основан на том, что противнику или концепции, которую он защищает, присваивают ложное название, после чего вся полемика ведётся против этого произвольно взятого термина. Этим приёмом пользуются чаще всего в так называемых принципиальных полемиках. Противника обвиняют в каком-нибудь непотребном "изме" и потом разделяются с этим "измом".

8. *Ulises* (Улисс (Одиссей) – символ хитрости – лат.) – приём восьмой. Главное в нем – Уклониться в сторону и говорить не по существу вопроса. Благодаря этому полемика выгодно оживляется, слабые позиции маскируются и весь спор приобретает бесконечный характер. Это также называется "изматывать противника".

9. *Testimonia* (свидетельства – лат.). Этот приём основан на том, что иногда удобно использовать ссылку на авторитет (какой угодно), например, заявить – "ещё Пантагрюэль говорил" или "как доказал Трейчке". При известной начитанности на каждый случай можно найти какую-нибудь цитату, которая наповал убьёт противника.

10. *Quousque...* (доколе... – лат.) Приём аналогичен предыдущему и отличается лишь отсутствием прямой ссылки на авторитет. Просто говорят: "Это уже давно отвергнуто", или "Это уже пройденный этап", или "Любому ребёнку известно", и так далее. Против того, что опровергнуто таким

образом, не требуется приводить никаких новых аргументов. Читатель верит, а противник вынужден защищать "давно опровергнутое" - задача довольно неблагодарная.

11. *Impossibile* (здесь: нельзя допускать – лат.). Не допускать, чтобы противник хоть в чем-нибудь оказался прав. Стоит признать за ним хоть крупицу ума и истины – проиграна вся полемика. Если иную фразу нельзя опровергнуть, всегда ещё остаётся возможность сказать: "Господин Икс берётся меня поучать...", или "Господин Икс оперирует такими плоскими и давно известными истинами, как его "открытие...", или "Дивись весь мир! Слепая курица нашла зерно и теперь кудахчет, что...". Словом, всегда что-нибудь да найдётся, не так ли?

12. *Jubilare* (торжествовать – лат.). Это один из наиболее важных приёмов, и состоит он в том, что поле боя всегда нужно покидать с видом победителя. Искушённый полемист никогда не бывает побеждён. Потерпевшим поражение всегда оказывается его противник, которого сумели "убедить" и с которым "покончено". Этим-то и отличается полемика от любого иного вида спорта. Борец на ковре честно признает себя побеждённым; но, кажется, ни одна ещё полемика не кончалась словами: "Вашу руку, вы меня убедили". Существует много иных приёмов, но избавьте меня от их описания; пусть уж литературоведы собирают их на ниве нашей журналистики.